

Иван Паластров

Где-то там,
в долине
Большого Анюя

Иван Паластров

**Где-то там, в долине
Большого Анюя**

«Издательские решения»

Паластров И.

Где-то там, в долине Большого Анюя / И. Паластров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833769-7

До Темного оставалось 10 км. Погода стояла тихая и ясная. Мы заглушили бульдозеры и вышли размять ноги. На небе высыпали звезды, и казалось — протяни руку и вот она — Полярная звезда. Вдруг на небе появились всполохи, вначале такие небольшие всплески, они разгорались все ярче. Начиналось северное сияние: прямо у нас над головами появились разноцветные краски. Они переливались и менялись местами на огромной скорости. Цвета волнами носились по всему небу, играли и переливались. Это было что-то!

ISBN 978-5-44-833769-7

© Паластров И.
© Издательские решения

Содержание

Весенний	6
В Билибино	10
Первые впечатления о Заполярье	11
Чукотка. Весенний	12
Полигон	13
Наша Работа	14
Плюсы и минусы	15
Зимник	16
Шахта	17
Караль4	18
Кедровый стланик	19
Зеленый мыс	21
Баимка	22
Ангарка	23
Фактория7	24
Орбита	25
Морозильник	26
Школа	27
Большой Анюй	28
Куропатка	29
Евражка	30
Строганина	31
Бочка с водой	32
За ягодой	33
Весенняя рыбалка	34
В делянке	36
Чукотка – Зимник – Зеленый мыс – Весенний	37
Северное сияние	38
Перевал	39
Весенний	40
Бригада	41
Охота на белку	42
Нартовый	43
Шальное золото (вполне могло быть)	44
Концессия	45
Спец	47
Буханка теплого хлеба	48
Брусника на сопке	49
Самородок	50
Дружба	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Где-то там, в долине Большого Анюя

Иван Паластров

*ЧУКОТКА – это счастливое время тех, кто там жил и работал.
Сейчас Чукотка – это наша БОЛЬ...*

© Иван Паластров, 2016

ISBN 978-5-4483-3769-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весенний

История п. Весенний (по материалам газеты «Золотая Чукотка» №70 (2582) от 10.06.1982 г.)

Сразу за перевалом выплыли горняцкие полигоны бригад Дмитрия Кашина и Владимира Демидова. Через несколько минут «аннушка» приземлилась на взлетно-посадочной площадке. Открылась дверь самолёта, и на утрамбованный снег стали спрыгивать пассажиры.

– Что привезли? – заглянул внутрь салона Ан-2 заместитель директора прииска «Аньюйский» Н. Е. Сеница.

– Почту.

– Да тут не только почта, а и телевизор, – улыбнулся Николай Емельянович. И, обращаясь ко мне, пояснил:

– Как появилось телевидение в поселке, так большой спрос на телевизоры стал. Многим подавай только цветные.

Несколько минут езды на автобусе, и слева показались первые жилые домики, производственные строения. Они словно карабкались от подножья сопки на взгорки, и весь поселочек в несколько десятков домишек издали кажется игрушечным, воздушным. И весь он будто на ладони в переливающихся лучах ласкового апрельского солнца, резко выделяющийся множеством окошек на заснеженном склоне сопки.

Первыми на приток реки Большой Анюй – ручей Баимку – вдоль хребта Мариинских гор пришли геологи. Разведку полезных ископаемых в этих местах более двадцати лет назад вели полевые отряды Германа Клещева, Алексея Скалацкого, Николая Бондаренко. В поселке Баимка, получившем название небольшого ручья, было в ту пору всего несколько жилых палаток и вспомогательных строений Баимской геологоразведочной партии. Здесь расположился ее цен-тральный стан, отсюда уходили на поиски природных богатств разведчики недр.

В архивных документах Больше-Аньюйского сельского Совета сохранились записи об образовании Совета в конце 1964 года.

В июле этого же года по решению объединения «Северовостокзолото» в двадцати километрах от Баимки был образован прииск «Аньюйский». Первые колышки палаточного поселка забивали Иван Щавлев, Арнольд Летучий, Светлана и Анатолий Куликовы, Зоя и Владимир Кошелевы, Аза и Валентин Дурневы и другие.

Сейчас в поселке никто не помнит, как появилось его название. Одни утверждают, что Весенним он назван потому, что в эти края первая колонна бульдозеров пришла весной 1965 года, вот и стал поселок Весенний, другие предполагают, что имя ему дали геологи-первопроходцы и горняки, которые только начали осваивать полигоны молодого прииска. Есть и еще одна версия. Как утверждают жители, на Весенний, раньше других населенных пунктов района приходит весна, здесь всегда теплее, чем, скажем, на Мандриково, Дальнем. И это действительно так.

– В апреле 1965 года, – вспоминает одна из первооснователей Весеннего Р. Ф. Кашина, – тут были только палатки, в которых жили холостяки, некоторые из них в этом же году обзавелись семьями. На несколько палаток был у нас маленький магазинчик, хлебопекарня тоже в нем помещалась.

Самый первый восьмиквартирный жилой дом появился спустя три года после создания прииска.

– Новоселами стали семейные, те, у кого были маленькие дети, – оживленно продолжает свой рассказ Раиса Федоровна, – как раз под Новый год. К тому времени свой клуб построили, печку-буржуйку топили. Было заведено так: идешь в клуб – носи дрова. И занятия в клубе

каждому находились по душе. Тогда ведь не только телевизора, радио не было. Передачи слушали по «Спидолам», да и то не у всех они были. А жили весело, дружно.

На Весенний Раиса Федоровна приехала одиннадцатой из женщин. Специальности, конечно, не было. Пошла работать на прииск, помогала горнякам обустроить быт, трудилась опробщицей, съемщицей металла. Здесь она встретила голубоглазого невысокого паренька. Дмитрий Кашин привлек ее своим веселым характером, рассудительностью.

Прошли годы. Выросли дети. В густой шевелюре Дмитрия Алексеевича появилась седина. Но по-прежнему молодым задором светятся глаза, по-прежнему бодр и энергичен этот человек. Его имя хорошо известно не только в нашем районе, но и за его пределами. Теперь Дмитрий Алексеевич знатный бригадир, наставник молодежи. Слава о трудовых делах комсомольско-молодежной бригады, которой он руководит, разнеслась по всей области.

В этом году коллектив начал промысловый сезон одним из первых в районе. Дружной, слаженной работе, хорошему настроению способствовало успешное выполнение обязательств в честь XIX съезда ВЛКСМ. Тут умеют трудиться с огоньком, по-комсомольски. Ежегодно на бригаду ложится значительная часть объемов от всего плана прииска, и всегда коллектив выходит победителем. В нынешнем, юбилейном году, комсомольско-молодежная бригада взяла обязательства выполнить годовой план золотодобычи к 1 октября и дать сверх него не менее 1,5% металла.

– Такая возможность у нашего коллектива есть, – говорит Дмитрий Алексеевич, – теперь все зависит от погоды. Холода мешают оттайке песков.

Загорелое, обветренное лицо бригадира сосредоточено, между бровей пролегли две морщинки.

Смотрю на этого подвижного горняка и вспоминаю рассказ тех, кто в числе первых начал отрабатывать горняцкие полигоны, вести добычу драгоценного металла.

– Как сейчас помню, – рассказывает Раиса Федоровна, работающая в ту пору опробщицей. – 10 июня 1965 года выдалось солнечным. У промприбора собрались все горняки, работающие на смене, готовился первый съем металла. Подошла и я с девчатами. Тут же был и Дима.

– Ну, девчата, – обратился к нам главный геолог прииска Виктор Тимофеевич Назаров, – смотрите, вот оно, золото.

На его ладонях тускло сверкали в лучах июньского солнца желтые крупички.

Памятным стал этот июньский день. И поныне ощущаю волнение, когда муж начинает рассказывать, каким удачным был съем металла на смене. В душе рождается чувство гордости за дело, которому мы служим, ради которого живем здесь.

Через два года прииск «Аноийский» будет отмечать свое двадцатилетие. Немало воды утекло из Баимки с тех пор, когда долины ручья, вершины сопок и распадки огласились первым рокотом бульдозеров, буровых станков, другой техники. Мало осталось на прииске, да и в поселке тех, кто забивал первый колышек Весеннего, кто помогал строить первые здания, создавать материально-техническую базу предприятия. Уважительно отзывались на прииске о супругах Александре и Василии Пушкаревых, Раисе и Владимире Игнатовых, Тамаре и Николае Картавенко. Много сил и энергии отдал горному производству машинист бульдозера Анатолий Физиков. На прииске его знают как опытного специалиста, умелого организатора производства. Это звено Анатолия Михайловича в нынешнем году бросило клич «Стойкому бульдозеру – круглогодичную ритмичную работу» и делает все, чтобы на каждую «сотку» достичь 80 тысяч кубометров выработки горной массы.

Славится прииск трудовыми династиями. В одном строю с отцами трудятся на полигонах «Аноийского» машинист бульдозера Вячеслав Чиж, слесарь Игорь Демидов, машинист бульдозера Александр Задорожный и другие.

Весенненцы умеют хорошо работать. За две последних пятилетки прииск только дважды не справился с годовыми планами золотодобычи, но пятилетние задания были выполнены

успешно. Хорошо сработал коллектив и а минувшем году. Первыми в районе горняки «Аньюского» подняли флаг золотой страды нынче.

Почти в центре Весеннего высится двухэтажное здание средней общеобразовательной школы, неподалеку разместился детский сад, продовольственный и промтоварный магазины, тропочки сбегают от них вниз к сельскому Совету, столовой, Дому культуры, книжному магазину, почте, конторе прииска.

– Все это было построено значительно позже, – рассказывает председатель исполкома Больше-Аньюского сельсовета Л. Ждановских. – Хотя сегодня некоторые из учреждений соцкультбыта уже не удовлетворяют всех потребностей населения.

Конечно, за восемнадцать весен разительно изменился внешний облик Весеннего. Из ситцевого поселочка он превратился в современный населенный пункт. Последнюю палатку здесь снесли тринадцать лет назад. Теперь в поселке есть свой здравпункт и амбулатория, Дом быта, баня-прачечная, сберкасса, две гостиницы, детсад, 205 детей обучаются в средней школе.

Первые семь ребятишек, по воспоминаниям старожилов, появились на Весеннем на втором году после создания прииска. Одним из первых родился сын Ивана Паластрова и его жены Сетланы, которые приехали на Весенний совсем молодыми. Некоторых родители привезли с «материка», но были и такие, кто своим первым криком утвердился для жизни на земле именно в молодом горняцком поселке Детсада, конечно же, не было. С малышами занимались по очереди все, кто был свободен от работы. Под новый 1967-й год решено было организовать новогоднюю елку для малышей. Снегурочкой была З. Кошелева.

Об этой женщине следует сказать особо. Зоя Ивановна – активная участница художественной самодеятельности. Ни один концерт, ни одно интересное мероприятие не обходится в поселке без ее участия. Клуб «Хозяюшка», который пользуется большим авторитетом у весенненцев, тоже дело рук Кошелевой. Много лестных слов довелось мне услышать в адрес этой веселой, энергичной женщины. З. Кошелева – большая любительница цветов. Приемная директора прииска С. Безбожного, где до недавнего времени она работала секретарем – сплошной цветник. Заходишь сюда и попадаешь в оранжерею, хотя на улице трещат морозы.

В конторе прииска мне сказали, что семья Кошелевых имеет приличную теплицу и каждую весну и лето в ней зеленеют огурцы, салат, растет редис, краснеют помидоры. В прошлом году, например, на выставке овощей, организованной энтузиастами тепличного хозяйства, Зоя Ивановна заняла первое место.

Когда проходишь мимо центра поселка и его окраин, там и тут из-под снега выглядывают застекленные крыши теплиц. Насчитала до тридцати и сбилась со счета.

– У многих хорошие теплицы, – говорит председатель исполкома. – Большие любители подсобного хозяйства Надежда и Петр Магусевичи, Надежда и Василий Недоступ, Екатерина и Николай Макогоновы, Владимир Попов.

Занимается развитием подсобного хозяйства и прииск. Напротив поселка, сразу за распадком, на взгорке выстроены коровник и свиарник. В достатке мяса, в скором будущем появится и свежее молоко.

В последние годы заметно изменилась организация труда горняков отдаленного прииска. На полигоны пришла мощная землеройная техника, современное оборудование. В 2—3 раза возросли и объемы горных работ. Иным стал быт золотодобытчиков. Теперь в каждом доме есть телевизор, радио, холодильник, хотя на последние с каждым годом спрос растет.

А раньше, по рассказам старожилов, мебель в магазине, холодильники стояли свободно. На тех, кто покупал эти товары, многие смотрели с недоумением: зачем, мол, они нужны. Теперь в редкой квартире нет ковра, хрусталя на стеллажах полок современной мебели. Словом, люди здесь обосновались надолго.

Кстати, о телевидении. Весной прошлого года были получены первые сигналы телепередачи по системе спутниковой связи. В апреле во многих домах весенненцев появились первые

телевизоры. Большой вклад в это полезное и нужное дело внесли директор прииска, ныне кандидат в депутаты Чукотского окружного Совета народных депутатов Станислав Степанович Безбожный, и председатель прииска Владимир Иванович Нетеса.

На улицах поселка появилось электрическое освещение. Только в минувшем году на эти цели было затрачено свыше двух тысяч рублей.

Около тысячи рублей израсходовал исполком сельского Совета на радиофикацию жилого сектора участка «Ветренный». Активную помощь в реализации этого наказа избирателей оказал электромонтер, депутат сельсовета Сергей Юрьевич Хомич. Жители Весеннего вновь выдвинули его кандидатом в депутаты сельского Совета.

Не единым днем живут труженики отдаленного прииска «Анюйский». Сегодня жителей Весеннего заботит строительство нового Дома культуры на 200 мест, санбыткомбината, расширение конторы прииска.

С особым нетерпением в поселке ждут новый Дом культуры. Ведь на Весеннем немало любителей художественной самодеятельности, многие участвуют в концертах семьями. Еще в клубе палатке начали учувствовать в самодеятельности Н. Герасименко, А. Прокофьева. Ни один концерт не обходится здесь без Н. Чиж, В. Синицы, Н. Пилецкого, В. Шишкина и других.

На территории Больше-Анюйского сельского Совета размещается несколько предприятий. Самое крупное – прииск «Анюйский». Ежегодно весененцы справляют 10—15 свадеб, здесь рождается около 20 детей.

На земле вечной мерзлоты теплом своих сердец в небольшом поселке, затеряншемся среди рек и озер, люди 15 национальностей страны Советов творят чудеса, осваивая природные богатства Крайнего Севера, создавая прочный фундамент для дальнейшего развития производительных сил нашего района, утверждая своим трудом мир и счастье. Бок о бок в одном строю идут русские и украинцы, чуваша и татары, осетины, азербайджанцы. Всех их объединяет великое чувство товарищества, братства, стремление сделать нашу Родину еще могущественнее и краше.

Под крылом самолета промелькнули и исчезли последние домики Весеннего. Позади остались встречи со старожилками поселка, с интересными людьми, ветеранами Севера, скрылись из виду горняцкие полигоны. Скоро, очень скоро в эти окрестности придет новая весна, зазеленеют склоны сопков, на полную мощь закипит работа на золотых полигонах. Еще одна весна принесет весененцам новые заботы и радости. И это закономерно, ибо в движении состоит смысл жизни. Убеждена, что пройдет еще несколько лет и Весенний будет неузнаваем. Новое поколение станет продолжателем дела, начатого его отцами.

Г. ВОЛГИНА.

«Золотая Чукотка» №70 (2582) от 10 июня 1982 г.

PS. Через двенадцать лет все прииски Колымы и Чукотки закрылись, в том числе и прииск «Анюйский». Не сбылось предсказание Г. Волгиной.

**Я НЕ ПИСАТЕЛЬ И ПИШУ В СВОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ, НЕ ВАЖНО
КАК, ВАЖНО О ЧЕМ...**

Посвящается Весененцам...

В Билибино

Купив билет на самолет до Билибино я, простившись с женой, улетаю. Светлана меня провожала и, когда мы шли к самолёту, она махала рукой и я видел, что она плакала. У меня сжалось сердце и я чуть не вернулся обратно: мне расхотелось улетаю.

Мы сели в самолет, он вырлился на полосу... и мы взлетели. Все... вернулся я обратно только через 17 лет.

Добирался я до Билибино долго, наверное неделю. Летел через Якутск и Магадан. В Магадане я ждал вылета на Билибино несколько дней: не было погоды. На северных трассах это частое явление, можно ждать погоды по несколько дней в каком-нибудь небольшом аэропорту. В маленьких гостиницах, как правило, не было мест, или только для мам с детьми. Мы, взрослые, располагались в здании аэропорта и ждали вылета. За это время мы все могли перезнакомиться, вот поэтому северяне знают многих людей из разных мест и всегда могут помочь. Можно перезанять денег, так как возвращаясь из отпуска, денег было в обрез и часто из-за непогоды их не хватало. Буфеты были во всех северных аэропортах и там можно было поесть. В Магадане я познакомился с группой людей, завербованных на Камчатку ловить рыбу на сейнерах. Меня приглашали с собой, но у меня была своя дорога, да и билет был куплен до места. Вот открыли аэропорт, синоптики дали добро на вылет, и мы полетели дальше.

Я летел в Билибино в середине мая, а в это время на севере лиственница еще не распустилась и была какая-то черная. Я смотрел в иллюминатор и думал, что лес, наверное, горел и потому такой черный. По сопкам появлялись зеленые островки – это был кедровый стланник. О нем я расскажу отдельно. Через несколько часов мы прилетели все-таки в Билибино. В те годы от Магадана до Билибино, летали на ИЛ-14, это небольшой двухмоторный самолет. Билибино встретило нас солнечной погодой и теплом.

Первые впечатления о Заполярье

По прилету в районный центр Билибино, мы пошли в горный комбинат района. Мы – это еще три молодых парня, прилетевших из Магадана, где мы познакомились. Один из них закончил горный институт и прилетел сюда по направлению. Двое других были такие же как я – без горной специальности. В комбинат входило несколько приисков, расположенных по всему району, а район был огромным: поселок от поселка находился за сотни километров. В отделе кадров комбината нас четверых направили на новый, недавно открывшийся прииск «Аньюский», названный так по названию речки, в бассейне которой находились месторождения россыпного золота. Направили нас горнорабочими промывочных приборов, а студента – горным мастером. Начинался сезон промывки золотоносных песков. Получив направление, мы отправились обратно в аэропорт, чтобы вылететь на прииск, до которого было триста километров. Прииск базировался в поселке с красивым названием «Весенний». Придя в аэропорт, о полете в этот день не было и речи, только на другой день, и то, если позволит погода.

Мы пошли в гостиницу, которая была неподалеку от порта. Госиница – это громко сказано: небольшой домик из двух комнат с печным отоплением. В одной комнате были женщины, другую – занимали мужчины. Мест не оказалось, и мы вернулись в здание порта. Было поздно, по времени должна была быть уже ночь, а на улице было светло, как днем. Мы удивились такому явлению, как это ночь и светло?! Нам объяснили, что здесь, за полярным кругом, летом ночей не бывает, а зимой не бывает дня. Постелив в углу маленького зала ожидания газеты, мы легли спать. Утром, проснувшись, сходили в столовую, которая была рядом, умылись, поели и стали ждать вылета. Погода была хорошая и нам дали самолет АН-2. Купив билеты, мы погрузились в самолет и взлетели. Билибинский р-он в центральной Чукотке, который расположен в сопках. До «Весеннего» лету на АН-2 чуть больше часа. В иллюминаторе проплывали вершины сопки, долины ручьев и мелких речек. И вот мы на «Весеннем»!

Чукотка. Весенний

Мы выгрузились из самолета и подошли к небольшому домику, в котором располагались две комнаты: для пассажиров и для начальника порта, по совместительству радиста, он же продавал билеты на самолет. Вскоре подошла машина высокой проходимости, которую почему-то называли «краб», наверное за все ведущие колеса. На ней в кузове, мы поехали в поселок, который располагался у подножия высокой сопки: на террасе. Поселок назывался Весенний, потому что недалеко были два ручья с такими названиями, хотя рядом был еще ручей и назывался Баимка. Кругом стояли сопки, поросшие кедровым стлаником¹ и редкими лиственницами. Между сопки по распадкам² текли ручьи и каждый имел своё название. Природа вокруг была очень красивой и живописной. Долина ручья Баимка была широкой и все ручьи впадали в нее. Этот бассейн был весь золотоносным. Мы подъехали к конторе прииска.

Нас встретила комендант поселка. Она выдала нам постельные принадлежности и поселила в палатке. Палатка была длинная и разделена на две части небольшим коридорчиком с умывальником и парой бочек воды. В каждой половине было около 15 кроватей и посередине стояла железная печка, сделанная из бочки и большой, грубо сколоченный стол. Вокруг него стояли такие же скамьи. Вот в таком жилье нам предстояло жить. Мы не расстроились по этому поводу, так как впереди было лето. Таких палаток было несколько, в такой же палатке был клуб, только в нем стояло две печки. Было построено несколько деревянных строений: это контора, медпункт, магазинчик с пекарней, баня и маленькая школа.

Детей было несколько человек. Было несколько общежитий барачного типа, но их не хватало, так же были вагончики для семейных на полозьях. Вот, примерно, такой был поселок с красивым названием Весенний, где нам предстояло жить и работать. Но это все впереди...

¹ Стланики – форма низкорослых приземистых растений (средних между деревом и кустарником).

² Распадок – в Восточной Сибири – мелкая плоская ложбина; небольшая боковая долина, выходящая в главную долину.

Полигон

В округе поселка и далеко за его пределами геологами были разведаны все распадки и долины на предмет природных ископаемых. На Весеннем все это было золотоносным, с разным содержанием золота. Здесь велась промышленная добыча. Но до золота нужно еще добраться: оно лежало глубоко под наносными породами грунта. Верхний слой и последующие называется – торфа. Это не торф, в прямом смысле, а наносной ил и речная галька под ним. Только потом идут золотоносные пески. Пески – это тоже щебенка с примесью песка и глины. Эти торфа нужно убрать с золотоносных песков.

Делается это тяжелой техникой – бульдозерами. Это место называется полигон. Когда торфа убраны в отвалы, на полигоне на борт ставят промывочный прибор. Это длинная колода, которая ставится высоко на П-образных опорах наклонно. В нее водой по трубе подаются пески наверх под большим напором. Также водой по колоде смывается галька и песок, а тяжелое золото осаживается на дно колоды. Раз в сутки делается съем золота и увозится в приемную кассу. Там его очищают от примесей и отправляют на аффинажный завод.

Вот так, примерно, ведется добыча драгоценного металла. Приборы бывают двух типов, это простая колода и скрубберный промывочный прибор. Он сложнее, но зато улавливает мельчайшее золото. На прииске работает несколько таких приборов. Вес снятого золота зависит от содержания его в песках и от объемов промытых песков. Промывочный прибор может за сутки пропустить тысячу кубометров и больше. За сезон прииск намывал золота от 1 до 2 тонн. На крупных приисках может и больше. Наш прииск был не очень крупным.

Наша Работа

Прошло время – Светлана после родов оправилась и ближе к лету устроилась на работу. Так как у нас был маленький, то ей подошла работа уборщицы в маленькой школе. Уборки было на час, не больше. Это время сынишка сидел в манеже один дома. Я тоже работал и оставить его было не с кем. Хорошо, что он у нас был спокойный и бывало засыпал прямо в манеже. Манеж был сколочен из досок, стоял на полу в углу.

Зимой я ходил на курсы машиниста бульдозера и успешно их закончил. Поселок строился, и вскоре у нас появились сад-ясли, так что эта проблема тоже была решена. Также выстроили большое 2-х этажное здание: на первом этаже общежитие, на 2-ом этаже сделали школу. Жилые дома тоже строились – людям нужно было жилье. Нам тоже дали небольшую комнату с отоплением. Когда открылся садик, Света пошла работать опробщицей золота.

Это на полигоне, во время вскрыши³ торфов, нужно следить, чтобы лишнего не вытолкали в отвалы. Впоследствии, через пару лет, Света пошла работать на местную электростанцию дежурной у щита управления и работала там до конца пребывания на Весеннем. Я же работал – куда направят. На приисках работа в то время была сезонная, летом все подчинено промывке песков, зимой – кто куда. Работы хватало, кто шел в шахту, добывать золотоносные пески с глубины, кто – на зимнюю вскрышу торфов, а кто и в стройцах. В общем, перемещений было много.

Я три зимы работал на бульдозере на зимниках, дальше только на бульдозере и только на вскрыше. Правда, две зимы работал и в шахте. О шахте я напишу позже, так как о наших шахтах стоит написать. В семидесятых годах стали поставлять более мощные бульдозеры, более сложные, и нас направляли на курсы в город Магадан, на 6 месяцев. Бульдозер был дизель-электрическим, сложным в исполнении. Чуть позже стали приходиться импортные тяжелые бульдозеры. На них тоже приходилось переучиваться в городе Сусумане, там был организован учебный центр по импортной технике, но учились ровно один месяц. Так что техника на прииски все время приходила и обновлялась.

Мне нравился наш родной, челябинский ДЭТ-250, это на него мы учились в Магадане. Очень мягкий на ходу, быстроходный как танк, и мощный и с большой комфортной кабиной. Очень легкий в управлении. Правда, не такой крепкий, как импортные бульдозера. Вот такая у меня была профессия, которая кормила меня и неплохо.

³ Вскрыша – порода, покрывающая полезное ископаемое и подлежащая удалению при открытых горных выработках.

Плюсы и минусы

Летом на Чукотке, да и по всему Северу и Сибири, огромное количество комаров. Правда мошки у нас на Весеннем не было, но слепней хватало. Правда, слепни были очень короткий период, погода не позволяла, но дыр в оленьих шкурах они успевали наделать изрядно. Был и плюс, на слепней хорошо брал хариус и другие породы рыб.

Зимой стояли такие морозы, что выхлопные газы автомашин, долго стояли над зимником – в нашей части Чукотки зимой ветров почти не бывает. Если приспичило в туалет побольшему, то штаны застегиваешь и бежишь в тепло – руки замерзают. Зима длится почти 8 месяцев, весна и осень – месяц, ну а лето как и везде – 3 месяца. Но летом этот период можно назвать с натяжкой, потому как в июле может выпасть снег. Я описываю такие страсти, и мы, северяне, говорим что любим Север так, как не любят ни один регион нашей страны и не только нашей. Это были минусы этого края.

Вот плюсы. Во-первых, люди: нет таких людей нигде, как на севере. Тот, кто прожил на Севере года 3—5, уже не уедет с него долго, а когда уедет, то будет любить его до конца жизни. А кто не приживался, те уезжали сразу. Люди были самые простые, и Север сближал всех – на любого можно было положиться. Природа очень красивая, в любое время года: сопки и вечнозеленый стланик. Весной расцветает все, и быстро все созревает. Осенью буйство красок, это ярко-желтые лиственницы и кустарники разных цветов вперемежку с зеленью стланика и вкраплениями красной брусники и голубой голубики. Зимой тоже очень красиво, все белое от снега и чистое.

Отпуск мы брали только раз в 3 года, но зато сразу на 5—6 месяцев. Ехали отдыхать, кому куда хочется. Зарплаты у нас платили, новичкам 1+1 и через каждые полгода 10% надбавка, и за 5 лет набегала еще одна зарплата. Так что о деньгах вопрос тоже не стоял, в среднем за месяц мы получали 700—800 рублей. Просто надоедало отдыхать и хотелось обратно – на севера. Продукты по ценам у нас были такие же, как и на материке. Снабжение было очень хорошим, для северян ничего не жалели. Правда, летом и начало осени овощи только в сухом виде, молоко и яйца тоже только в порошке. Вот такие минусы и плюсы были у нас на севере.

Зимник

Каждую осень, когда замерзает тундра, нужно нарезать дороги – зимники. Зимники нарезаются до участков, которые расположены далеко от прииска, то-есть, от поселка. Расстояния разные, от 40 км и до 120 и более. Там тоже живут рабочие и идет добыча золота. Туда тоже нужно завозить все необходимое для работы и для нужд людей: то-есть продукты питания и все остальное.

Зимник нарезается бульдозерами, которые тащат за собой тяжелый, на ширину дороги, клин. Клин сделан из гусениц тяжелых тракторов, и он хорошо равняет зимник. Дороги всю зиму держатся в полном порядке и клин таскают всю зиму. Участков на прииске несколько и дороги обслуживает звено людей-бульдозеристов. Бульдозер – машина сильная, но не быстрая, так что до участка за один день доехать нереально. По дороге делается остановка на ночлег. А где спать? – Только в кабине этого бульдозера. Кабина у него широкая и как раз можно лечь невысокому человеку.

Двигатель на Чукотке глушится только тогда, чтобы долить масла в двигатель и проверить. Остальное время он работает, так что спать приходится с работающим двигателем, зато от него идет тепло. К этому, конечно, нужно привыкнуть. Питаться приходится тоже в кабине, разогревая пищу на выхлопном коллекторе.

Так нужно ехать несколько дней, в зависимости от расстояния. В марте, когда уже вовсю светит солнце, ехать по зимнику интересно. Кругом стоят сопки, покрытые чистым снегом, от которого слезятся глаза. Когда заходишь на какой-то перевал и останавливаешься, глушишь моторы и вылезает из кабины, тебя оглушает тишина и белизна снега, освещенная солнцем. Это прямо сказочный вид, это нужно видеть и прочувствовать.

Приехав на участок, всегда идешь в столовую и если есть баня, то и в баньку, а потом отдыхать на настоящей кровати в общежитии. Отдохнув и проверив технику, отправляешься в обратный путь – домой. По приезду домой, меняешься, и уже другая смена едет куда-то на другой участок ровнять зимник, а мы отдыхаем и ждем когда они приедут.

Шахта

На прииске, на россыпях золотоносных песков, делали не только вскрышу торфов, но и добывали пески в шахтах. Это делалось тогда, когда слой торфов был несколько десятков метров. Вскрышу с таким большим слоем делать весьма затратное, не выгодно, да и долго. Шахтным методом получалось дешевле. Шахты нарезались каждую осень новые, так как глубина была все-таки не очень большой и их весной просто затапливало.

Вначале нарезается наклонный ствол до песков, затем идет штрек на всю ширину месторождения, затем нарезаются рассечки, которые рассекают месторождение как большой пирог. Все это оконтуривается вентиляционными штреками. В штреки вертикально пробиты шурфы для закачки воздуха и вентиляции. Все – шахта нарезана и начинается выемка песков из-под земли наверх. Вначале идут бурильщики, они забуривают шпур, это такие отверстия, до 2 метров в стенке забоя. Затем идут взрывники, заряжают эти шпуры взрывчатыми материалами и поджигают бикфордовы шнуры. Когда все это сделано, они уходят в укрытие и происходит взрыв. Взрыв происходит не сразу во всех шпурах, а по очередности, какую задали взрывники. После всего этого шахта проветривается от продуктов взрыва, и начинается вывозка песков на поверхность. Делается это при помощи скреперных лебедок, ковшами. Вот, примерно так добываются пески из-под земли.

Затем они складываются рядом со стволом шахты, а с приходом первой воды, строится промывочный прибор и начинается промывка этих песков. Из шахты убирается все оборудование, и они весной затапятся талой водой. Так каждый год.

Те люди, которые летом работали на промывке песков, зимой становились шахтерами. В шахте по мере выработки, велось крепление свода. Это делалось для того, чтобы свод не сел и не задавил людей. Такие случаи были и довольно часто, выработки давали осадку и заваливало все оборудование. Но, по счастью, рушилось когда не было людей в забое.

Также нужно было следить за состоянием кровли, чтобы не было отслоений. Если таковые появлялись, их нужно было обрушивать ломиком, иначе могло задавить человека. Такое случалось тоже, правда не часто, у нас на прииске был всего один смертельный случай. Плохо то, что люди привыкают к опасности и не обращают внимания на нее.

Караль⁴

Недалеко от нашего поселка, километрах в семи, был построен караль.

Караль был нужен для забоя оленей, которых пригоняли чукотские оленеводы. Самим оленеводам было не под силу забить много тысяч оленей на мясо. В этом им помогали рабочие прииска. Забой проходил в зимнее время, оленье стадо подгоняли к поселку и пасли неподалеку. В день забоя от стада отделяли несколько сот оленей и загоняли их в специально построенный загон. Пару десятков рабочих освобождали от работ на прииске и направляли в караль, для забоя. На карале было построено жилье для работников совхоза и оленеводов, в котором жили во время забоя. Также была и столовая, в которой готовили приисковые повара. Кушать ходили только рабочие, а сами оленеводы готовили и питались отдельно. Вечером, после работы рабочих на автобусе увозили домой в поселок.

Оленей загоняли в узкий коридор и с двух сторон рабочие-забойщики, длинными штангами под напряжением, делали уколы оленю. Затем оленя подвешивали на линию транспортера и начиналась разделка, это все происходило очень быстро, и туши оленей шли один за другим по транспортеру. Затем уже каждую разделанную тушу проверял ветеринарный врач, на предмет какого—либо заболевания, опасного для здоровья человека. Туши по транспортеру попадали на склад, где рабочие их распределяли и оставляли до следующего дня для замораживания. Затем туши снимали и складировали в штабеля. Вес каждого оленя составляет от 50 до 80 кг. Шкуры оленей, тоже замораживали и складировали, связывая их пачками по несколько шкур.

Оленьи деликатесы, как языки, печень и сердце, складировались отдельно и строго контролировались. Из всех языков животных самый вкусный это у оленя. В столовой повара, конечно, готовили, в основном, мясо и печень, кормили, конечно, забойщиков от пуза. Ноги по колени, тоже складировали, после с них будут снимать кожу с мехом. Мех с камлерок, так называются ноги оленя по колено, идет на обувь. Из этих шкурок шьют торбаза⁵ для самих оленеводов и для всех северян, желающих носить эту теплую, красивую и легкую обувь. Забивали оленей по многу, от 5 до 14 тысяч, это был самый большой забой, какой я знаю. Затем туши и шкуры вывозили на больших машинах по всему Северу, часть мяса и шкур шла на экспорт. Жители поселка покупали мясо оленей сразу тушками и хранили их по сарайкам в разрубленном виде. Вот так на Севере, шел забой оленей на мясо.

⁴ Караль – сооружение, куда загоняют оленей для их зоотехнической и ветеринарной обработки (пересчета, мечения, прививок и т.д.).

⁵ Торбаза (от якут. этэrbэс) – мягкие сапоги из оленьих шкур, шитые шерстью наружу.

Кедровый стланик

Чукотка, это не только голая тундра, хотя тундра голая только на первый взгляд, на самом деле в ней кипит жизнь, неприметная только неопытному взгляду. Но сегодня не о тундре, о ней я не могу рассказать ничего, так как не жил на побережье. Чукотка большей частью покрыта сопками, хребтами и водоразделами между хребтов. Все взаимосвязано и закономерно, водораздел, это долина какой-то реки, в которую впадают речки и ручьи поменьше и текут в заданном природой направлении. Сопки большей частью голые, в средней части они покрыты кедровым стлаником. В низу сопок, по берегам ручьев и речек растет лиственница.

Стланик представляет собой вечнозеленый куст с длинными игловыми хвои. Ствол у стланика толщиной, примерно, с мужскую руку и высотой около двух с половиной метра. Ствол изогнут дугой. Стланик цветет каждую весну и к осени созревает много шишек. В шишках орешки, конечно, они мельче, чем у кедра, но все равно их можно есть. Что мы и делали, – когда созревали орешки, мы собирали шишки и обеспечивали себя на зиму. Стланик очень смолистый и ложится на зиму под снег, так он сохраняется от вымерзания. Лиственница тоже очень смолистое дерево, но она сбрасывает свою хвою на зиму. Кедровый стланик дает питание белкам и кедровкам, это такая птица, на подобие сороки, только серая. Среди кустов стланика, любит расти брусничник, который дает тоже урожай ягод. Внизу, по лиственничному лесу, растет много грибов – маслята, по мхам. На Чукотке нет лугов по долинам, там только тундра и мхи. Если срезать покров тундры на 20—25 см, под ней будет вечная мерзлота. Чукчи очень бережно относятся к тундре, они без особой нужды не будут портить это покрывало, так как это чревато последствиями. Это понимают все северные народы, кроме нас, пришлых в те края, края удивительной красоты природы.

Вот так, друзья мои, выживает жизнь в тех суровых краях, те кто там живет и обитает. В природе все гармонично и взаимосвязано, берегите природу, особенно там – на Чукотке.

Кедровый стланик

Чукотка, это не только голая тундра, хотя тундра голая только на первый взгляд, на самом деле в ней кипит жизнь, неприметная только неопытному взгляду. Но сегодня не о тундре, о ней я не могу рассказать ничего, так как не жил на побережье. Чукотка большей частью покрыта сопками, хребтами и водоразделами между хребтов. Все взаимосвязано и закономерно, водораздел, это долина какой-то реки, в которую впадают речки и ручьи поменьше и текут в заданном природой направлении. Сопки большей частью голые, в средней части они покрыты кедровым стлаником. В низу сопок, по берегам ручьев и речек растет лиственница.

Стланик представляет собой вечнозеленый куст с длинными игловыми хвои. Ствол у стланика толщиной, примерно, с мужскую руку и высотой около двух с половиной метра. Ствол изогнут дугой. Стланик цветет каждую весну и к осени созревает много шишек. В шишках орешки, конечно, они мельче, чем у кедра, но все равно их можно есть. Что мы и делали, – когда созревали орешки, мы собирали шишки и обеспечивали себя на зиму. Стланик очень смолистый и ложится на зиму под снег, так он сохраняется от вымерзания. Лиственница тоже очень смолистое дерево, но она сбрасывает свою хвою на зиму. Кедровый стланик дает питание белкам и кедровкам, это такая птица, на подобие сороки, только серая. Среди кустов стланика, любит расти брусничник, который дает тоже урожай ягод. Внизу, по лиственничному лесу, растет много грибов – маслята, по мхам. На Чукотке нет лугов по долинам, там только тундра и мхи. Если срезать покров тундры на 20—25 см, под ней будет вечная мерзлота. Чукчи очень бережно относятся к тундре, они без особой нужды не будут портить это покрывало, так как это чревато последствиями. Это понимают все северные народы, кроме нас, пришлых в те края, края удивительной красоты природы.

Вот так, друзья мои, выживает жизнь в тех суровых краях, те кто там живет и обитает. В природе все гармонично и взаимосвязано, берегите природу, особенно там – на Чукотке.

Зеленый мыс

Зеленый мыс – это морской порт, который расположился, как ни странно, на реке Колыме. То-есть почти в устье этой крупной северной реки. В этом месте Колыма глубока и широка. Противоположный берег едва виден. Морской порт называется Зеленый мыс, и сюда идет весь северный завоз для всех приисков и поселков, расположенных в этом бассейне. В порту имеются огромные склады, куда завозится все, от гвоздей и до техники. Также сюда везут кораблями все продукты питания. Отсюда все это добро развезется, в основном, автомобилями по поселкам и районам в зимнее время по зимникам.

Порт обслуживают докеры, водители автомобилей и много других специалистов. Все они проживают в поселке Зеленый мыс, в котором были многоэтажки и частные дома. Здесь же была большая автобаза, с большегрузными автомобилями, термичками и наливками – бензовозами. Северный завоз, в основном, был из Ленинграда и небольшая часть из Магадана и восточных морских портов.

Рядом с Зеленым мысом, в 4-х километрах расположился аэропорт Черский. Аэродром был на самом берегу реки Колымы и на него садились только небольшие самолеты типа АН-4 и ИЛ-14 – это была полярная авиация. Самолеты были покрашены оранжевой краской и были далеко видны на белом снегу. Зимой, когда река замерзала, на льду делали взлетно-посадочную полосу для больших самолетов, типа ИЛ-18 и ТУ-104 – других в то время не было. Сюда слетались все пассажиры поселков и приисков этого района, отсюда они разлетались: кто в Москву, кто в Магадан.

На Зеленом мысе всегда в первую очередь появлялись свежие овощи и продукты. Сюда, после навигации, прилетали посланники поселков и приисков за свежей картошкой. Так как все лето ее у них не было, только сухая. Мне тоже приходилось прилетать за картофелем несколько лет. Это дело было добровольным и мне просто нравилось это делать. Прилетали всегда вдвоем, закупали, за собранные у жителей поселка деньги, несколько тонн картофеля. Затем из склада на Зеленом мысе перевозили автомобилем в аэропорт Черский, и самолетами отправляли домой на Весенний. Так у нас чуть раньше завоза появлялся свежий картофель. Пусть он нам обходился в несколько раз дороже, но это стоило того.

В ноябре дорожники нарезали зимник и тогда в первую очередь на автотермичках привозили свежие овощи. Начинался новый зимник, и из складов Зеленого мыса грузы вывозились для жителей приисков и оленеводов, освобождая место для следующего северного завоза.

Баимка

Задолго до открытия прииска Анюйский, в долине ручья Баимка стояла геологическая партия. У геологов была своя база, свой поселок. В поселке были дома, магазин, ну и, конечно, небольшая баня. Магазинчик тоже был небольшой, так как население было тоже небольшим – несколько десятков человек. В поселке была своя взлетно-посадочная полоса для АН-2 и вертолетов. На Баимке стояла метеостанция, где работали два человека, как правило муж с женой.

Как известно, геолога ноги кормят. Они вели разведку всего бассейна ручья Баимка, все распадки и еще несколько отдаленных долин и ручьев. У геологов была своя техника: вездеходы на гусеничном ходу – на другой технике по тундре не проедешь; и пара бульдозеров. Бульдозерами проходили канавы на склонах сопок, брали пробы на наличие золота. В то далекое время, а это были 50-е и 60-е годы, разведку проходили шурфами⁶.

Это был тяжелый труд, так как шурф – это глубокий, узкий колодец, вырытый при помощи взрывчатки в вечной мерзлоте зимой. Шурфы не копали, нет такого понятия – шурфы били. Летом эту работу делать нельзя, так как была угроза затопления и обрушения стенок шурфа. Геологи размечали намеченный участок для разведки и ставили колышки на то место, где должен быть шурф. Шурфы били всегда по ширине долины или распадка и так по всей длине.

Над шурфом ставили вороток с бадьей на тросу, это как у деревенского колодца, и два рабочих начинали работу, то-есть выдалбливали глубокие лунки, до 40—50 сантиметров в глубину, две штуки по диагонали. Затем закладывали в них взрывчатку и взрывали.

В шурф спускался один рабочий и загружал взорванный грунт в бадью, а второй рабочий наверху при помощи ворота вытаскивал грунт наверх. Грунт после каждого взрыва ссыпался по отдельным кучкам и на каждую ставилась метка: с какой глубины она была извлечена. Затем все кучки загружались в мешки и отвозились на промывку лотками. на предмет содержания золота. Таким образом геологи определяют объемы залежей рассыпного золота: на какой глубине и какой слой песков.

Все это просчитывается и становится ясно, сколько золота в месторождении. Расхождения незначительные с данными разведки и фактом добычи. Таким образом, Баимская партия разведала месторождения долины ручья Баимка и другие месторождения вокруг нее. Так появился прииск «Анюйский» с красивым названием поселка «Весенний». Через два года геологическая партия с Баимки была переведена на разведку другого месторождения, и поселок опустел. Часть домов разобрали жители Весенного, часть перевезли в Билибино. дома-то были добротными.

На Баимке осталась метеостанция и семейная пара, работающая на ней. У них была своя маленькая банька, движок с генератором для света. Я думаю, что там люди менялись через определенное время, так как жить оторванными от людей это не так просто. Они настоящие герои.

⁶ Шурф м., горн. (нем. Schurf). Вертикальная или наклонная подземная выработка (обычно малого сечения и небольшой глубины), имеющая выход на земную поверхность и предназначенная для разведки полезных ископаемых.

Ангарка

В шестидесяти километрах от Весеннего, в сторону Билибино и Зеленого мыса, на зимнике был маленький поселок Ангарка. Это был пункт отдыха для водителей, возивших грузы для прииска с Зеленого мыса по зимнику. В поселке круглый год жил обслуживающий персонал. В поселке была своя котельная и электрогенератор, дающий свет. Для водителей были созданы все условия для отдыха. Автомашины ставились неподалеку от гостиницы на отведенной площадке, и прогревались специально поставленным механиком. Автомобили на зимниках зимой не глушились, так как в сильные морозы могли полопаться двигатели и радиаторы охлаждения. Поселок Ангарка стоял в устье большого ручья с одноименным названием, который впадал в реку Большой-Анью.

В Большом-Аньюе было множество глубоких ям и заводей, в которых скапливалась рыба на зимний период. Зимой рыбу не ловили, так как в сильные морозы это делать было невозможно. А вот только когда начинал таять снег и начинали течь ручьи, тогда рыба начинала беспокоиться. В это время начинается рыбалка. О рыбалке я уже писал и повторяться не буду.

Каждая яма или заводь имели свое название и на нее приезжали только свои рыбаки. У всех рыбаков имелись свои излюбленные места ловли рыбы. Вначале все приезжали в поселок Ангарка, а уж потом расходились или разъезжались по своим ямам на Большом-Аньюе. Это всегда происходило с первого и по десятое мая, в это время шел ход рыбы в верховья реки и по ручьям для размножения.

Зимник закрывался тоже в это время, так как мост через Большой-Аньюй смывало паводком, а проехать другого пути не было. Летом поселок приводили в порядок, что нужно – ремонтировали и красили. Иногда в поселке устраивали летний пионерский лагерь, где дети отдыхали. Для них организовывали походы на рыбалку, но это только для больших детей, малых не брали. Купаться же, конечно, не купались, так как вода в северных речках всегда ледяная. Но это все компенсировалось другими занятиями, не менее интересными.

Вот такой поселок, с красивым названием Ангарка, был когда-то на речке, тоже с не менее красивым названием – Большой-Аньюй!

Фактория⁷

Зимник на дальние участки в сторону посёлков «Темный» и «Чук и Гек» проходит через факторию. Фактория, это посёлок построенный для чукчей-оленеводов. Здесь было несколько домов, небольшой склад-магазин, домик под клуб, который назывался «Красная яранга». Также был маленький движок-генератор, который заводили для показа фильма. В остальное время пользовались керосиновыми лампами. Чукчи приезжали на оленьих упряжках отовариться в магазине, пожить несколько дней на фактории и посмотреть кино. Сюда же прилетал самолет АН-2, но только в зимнее время, и садился прямо на снег. Летом на тундру садиться никак нельзя – провалишься колесами в мох и ягель. Зимой же на лыжах, это вполне возможно. Когда прилетал самолет, все население фактории бежало к самолету: привезли новые фильмы и почту, то есть газеты и журналы.

На фактории постоянно жил русский охотник Сергей, он никогда никуда не выезжал. Охотился по распадкам, добывая, в основном, белку и соболя. Не брезговал и другим зверем, таким как расомаха или дикий олень. Шкурки сдавал прямо тут же на фактории, на полученные деньги покупал все что нужно для охоты и для жизни. Говорили, что он из Ленинграда приехал сюда назло родителям, которые не разрешили жениться на любимой женщине. Это было правдой, и он сдержал свою угрозу – не выезжал даже в район. Я много позднее узнал, что он так и умер здесь, никуда не выезжая.

На фактории также постоянно проживали начальник и продавщица, это были муж и жена. Они же крутили кино, так сказать, совмещали свою работу и киномеханика. Вот такой небольшой коллектив жил и работал на фактории для оленеводов.

Мы часто останавливались на ночевку у Сереги-охотника в домике. Иногда привозили ему дрова из леса для печки. Мне нравилось бывать на фактории, она стояла на берегу небольшой речки Бургухчан в очень живописном месте. Если так красиво тут зимой, то я представляю, какая красота тут летом. Сюда приезжали и приисковые женщины в магазин за хорошими конфетами и другими вкусностями, которых в приисковый магазин не завозили, или очень ограниченно. Фактории снабжались лучше, чем горняцкие поселки, здесь всегда можно купить что-то из дефицита. Но это не в ущерб оленеводам, которые покупали то, что им нужно, не более. Вот такая фактория...

⁷ Торгово-снабженческий и заготовительный пункт в отдаленных промысловых районах (напр., пушная фактория на Севере).

Орбита

На Весеннем, кроме активного отдыха, как каток и лыжи, мы, конечно, ходили в кино. Но самым любимым занятием, все-таки были книги. У нас была не очень большая библиотека и за хорошими книгами записывались в очередь. Также все выписывали очень много журналов и газет. В общем – читали все.

Но вот цивилизация дошла и до нашего угла – на северо-востоке страны: в Билибино построили телевизионную Орбиту и в район пришло телевидение. Орбиту построили, конечно же, на сопке и в начале на нее ездили смотреть. Интересно же было увидеть огромную тарелку, которая поворачивалась вслед за спутником. Вскоре инженеры Орбиты приехали и к нам в Весенний. Они походили по разным сопкам и нашли оптимальное место для приема сигнала. Это была самая высокая сопка, у подножья которой был расположен наш поселок.

Там построили домик, провели электричество и установили оборудование. Нам предстояло где-то достать телевизоры. Я не буду описывать кто где и как доставал, но телевизоры появились у всех и быстро. Трансляция у нас начиналась с часу ночи и до шести утра – хочешь смотри, хочешь спи. Вначале телевидение было черно-белым. Мы, конечно, все наставили самодельных антенн и смотрели, смотрели ночью. Фильмы шли по одному в день, канал тоже был только один. Но вот прошло какое-то время и, видимо, в космос запустили новый спутник и мы стали смотреть уже цветное и с утра. Также прибавились и каналы.

Вот так пришло к нам телевидение и, конечно же, мы стали чуть меньше читать книги. Что лучше, я не буду говорить, каждый считает по-своему. Но ясно одно, книгу заменить ничем нельзя, прочитанная книга остается в голове на всю жизнь. Это точно!

Морозильник

Осенью, когда все уже заморозило и на прииске закончился промывочный сезон, нас направили ставить палатки. Палатки нужны были для складов, в которых хранилось всякое добро прииска: от запасных частей для всех механизмов до строительных материалов. Также для хранения торговых товаров. Палатки были большие, длинные и ставить их нужно было на короткие сваи, это деревянные столбики, вкопанные в землю рядами. На эти столбики клали толстые лаги из бруса и настилали пол. Внутри делались стеллажи для товаров и запчастей. Все это закрывалось большой брезентовой палаткой.

Палаток мы построили несколько, хотя работа была нелегкой: под столбики нужно было копать ямы в мерзлоте. Когда все было построено и в эти склады завезено то, что там должно храниться, нужен был сторож, чтобы охранять все это добро. Охранялись склады только ночью, днем там были кладовщики. Вот моя Светлана была некоторое время там сторожем. Конечно, ночью в домике охраняла не она, а я. Охранять, это громко сказано, придешь и читаешь книгу, потом спишь до утра. Утром сдаешь все кладовщику, он проверяет целостность всех пломб на дверях. Хотя я до сих пор не могу понять, зачем пломбы, склады-то были из брезента.

Правда, один раз было хищение: разрезали палатку и взяли ящик водки. Это было в смену моей жены, но вора нашли быстро, даже милицию из района не вызывали. На прииске был сухой закон, спиртное продавали один раз в неделю, в субботу и вора вычислили сразу. Это был грузчик магазина. Светлана после этого случая из сторожей ушла, хотя для нее это была удобная работа – у нас был маленький сын. Эти склады простояли очень долго, только спиртное хранили уже в морозильнике. Соблазн был велик.

Морозильник, это горная выработка в сопке, то есть штольня с боковыми отсеками. В морозильнике хранились все быстро портящиеся продукты, это, в основном, мясо. Зимой морозильник глазировали, то есть намораживали стены и потолок льдом, поливая их водой из шланга душем. Также вдоль стен были сделаны карманы, которые забивались льдом. Туши мяса хранились штабелями, все остальное – в бочках и ящиках. В морозилке температура была зимой до -16, летом выше, но ее хватало до следующего холодного времени. Дверь была двойная, с тамбуром. Вот так у нас на Севере хранят продукты.

Школа

Школы есть везде и разные, Есть большие: по несколько одних классов и по многу учеников в каждом. Есть маленькие, это в селах. У нас на Весеннем школа поменяла три места: первая, была совсем малюсенькая. Детей было мало, так как прииск только открылся и дети учились все в одном-двух классах. Дальше детей стало больше и под школу выделили несколько комнат в здании общежития. На первом этаже было общежитие, на втором – школа. Наконец построили школу со спортивным залом и со всеми классными комнатами.

На Весеннем была десятилетка. В каждом классе учеников было не очень много, по 15—20 человек, а в некоторых и того меньше. Все это сказывалось на образовании детей, дети все учились хорошо, так как спрашивали их за урок не по одному разу. Приходилось учить уроки каждый день, так как все знали – спросят. После окончания школы, все легко поступали в вузы, так как дети получали глубокие знания. Учителя тоже были довольны своим трудом.

А бывшие ученики не забывают своих учителей поздравить с днем рождения, хотя прошло уже много времени, и судьба всех раскидала по земле. Сейчас это совсем нетрудно, почти у всех есть компьютеры и телефоны. Конечно, не все учителя и ученики живы, но тот, кто живой, всегда получит поздравление на свой день рождения. Бывших учителей не бывает, и они с трепетом относятся к такому вниманию своих бывших воспитанников. Мы: родители и наши дети, с благодарностью помним тех учителей, которые учили наших детей и дали им хорошие знания.

Сейчас нет приисков, нет многих поселков на Севере, а это значит и нет школ, в которых давали хорошие знания. То, что было построено нами, а построено было все, в одночасье рухнуло. Рухнуло то, что с таким трудом было обжито и создано.

Это неправильно...

Большой Анюй

Все реки и речки колымского бассейна впадают в реку Колыму. И река Большой Анюй, в переводе Березовая река, протяженностью около семисот километров. Нет, берез на Анюе нет, есть только карликовые, как кустарник, с малюсенькими листочками. Зато в долине Анюя, по берегам, растет лиственный лес и тополя. Множество островов, образованные протоками, на которых растет очень много смородины. В протоках вода прогревается и в ней нерестятся некоторые породы рыб. Анюй река с быстрым течением и на ней очень много несложных порогов, перед которыми всегда стоит много хариуса, который кормится. На Анюе много широких и глубоких ям, в которые скатывается вся рыба с небольших ручьев на зимовку. Течет Анюй между сопок и сливается с Малым Анюем недалеко от Колымы и впадают в нее недалеко от устья.

В низовьях Анюй судоходен: по нему в определенное время года могут проходить небольшие баржи. Но это время очень короткое. Несмотря на сильные морозы, в некоторых местах, где очень быстрое течение, река не замерзает и зимой в таких местах всегда стоит туман.

Небольшие ручьи в некоторых местах зимой перемерзают и образуется наледь, то есть вода идет поверх льда и опять замерзает. Так может образоваться слоеный пирог в несколько метров толщиной, который тает все лето. Эти наледи весной прорезаются ручьем и между ледяными берегами любит кормиться рыба, особенно форель. Форель на Севере некрупная.

Вот такая река на Чукотке, с красивым названием Большой Анюй и с не менее красивым переводом «Березовая река». В бассейне Колымы множество рек и речек, в которые впадает множество ручьев и вода в них – чистейшая. Все это богатство было изучено гидрологами. На берегах больших ручьев и н больших речек, все еще стоят их домики, в которых жили и изучали течения и объем воды, по несколько лет и круглый год. Но это другая история.

Куропатка

Чукотка это сопки, Чукотка это тундра, жизнь в этом суровом крае тоже есть и она не бедна. Летом прилетает много разной птицы: это их родина. Птицы выводят потомство в тундре на озерах и прибрежных скалах. Лето на Чукотке очень короткое, но все успевают высидеть птенцов, вырастить их до наступления осенних холодов и улететь в теплые края на зимовку. Но не все птицы улетают на юг, есть и такие, которые не покидают своих родных мест – это полярные куропатки. Куропатка живет и выводит потомство на Севере. Летом куропатка серая, под цвет тундры, и она так маскируется, что ее не заметишь, проходя мимо и чуть не наступив на нее. Когда она сидит на кладке яиц, никакая сила не сгонит её с гнезда. Осенью, когда лиственница сбрасывает свои листочки-иголки, куропатка меняет цвет оперения. Она превращается в белоснежную птицу с красным гребешком у самцов. На снегу ее совсем не заметно, настолько она сливается. Осенью, когда еще нет снега, для куропатки самое уязвимое время, она уже белая, а снег еще не выпал. Её далеко видно и нетрудно подстрелить.

Куропатки птицы стайные, питаются зимой почками кустарников, перебегая с одного места на другой. На крыло поднимаются не охотно и только при крайней необходимости. Осенью стараются побольше склевывать ягод, которые в тундре и на сопках растут в большом количестве. Мясо у куропатки суховатое, но вкусное, особенно бульон. Тушка небольшая, примерно с кулак. Зимой интересно наблюдать за стаей куропаток, как они перебегают с места на место по мелкому кустарнику, но надо хорошо присмотреться: заметить стаю не так-то просто. Осенью куропатки часто сидят на деревьях и кажется, что комочки ваты развесили по деревьям. На ночь куропатки устраиваются на деревьях.

Вот такая интересная и красивая птица живет на Севере, не улетая на юг.

Евражка

На севере животный мир богат летом, особенно птицами, но есть другие животные, которые там обитают. Есть олени: это благородное животное дает населению пищу и одежду. Есть песцы летом серые и некрасивые, а зимой они одевают белоснежную шубку и становятся очень красивыми с очень теплым мехом. Также есть множество леммингов⁸, которыми питаются песцы зимой, да и летом тоже – не всегда же поймашь птицу. Есть и росомаха⁹, это зверь коварный и сильный, у росомахи мех никогда не покрывается изморозью или куржаком¹⁰. Аборигены используют мех росомахи на опушку капюшонов кухлянки.

Есть на Чукотке маленькое животное, зверек-грызун – евражка. Евражка точно такая как суслик, но она привыкает к людям и не боится жить возле человека. Этот зверек может брать угощение с руки как белка. Живут евражки в норах семьями, питаются семенами, травой и насекомыми, зимой в спячке до апреля. Мы всегда забавлялись с этими зверьками, на перемене в ожидании автобуса. Они вылезали из норы и кланчили у нас подачки, мы специально приносили для них корочки хлеба и печенюшки. Они забавно брали их и набивали за щеки, так что щеки раздувались шире тела, затем убегали в нору и через несколько секунд возвращались обратно за следующей порцией.

Нам было интересно и смешно, мы никогда их не обижали, так как знали, что зима будет долгой, пусть накопят больше жирка для спячки. Вот такие забавные зверьки живут на Чукотке.

⁸ Лемминги – небольшие мышевидные грызуны, размером немного меньше крысы, с коротким хвостом. Их называют иначе северными пеструшками.

⁹ Росомаха – хищное млекопитающее семейства куньих, единственный представитель рода *Gulo* (в переводе с латинского «обжора»).

¹⁰ Куржак означает иней.

Строганина

Рыбы на Севере много и разной, есть рыба, которая идет на жарку, и уху сварить, коптить и вялить – на это идет всякая. А вот на строганину идет только крупная, у которой много мяса. Это муксун, чир, нельма и другие подобные рыбы. Строганина – это сырая мороженая рыбина, с которой нужно снять кожу, затем настрогать тончайшей стружкой очень острым ножом. Для этого нужна сноровка. Но прежде нужно приготовить соус, с которым едят эту самую строганину и который дает вкус и остроту этого блюда.

Соусы делают разные, но все они должны быть острыми. У нас на Чукотке соус делали самый простой, я так думаю. Брали уксус, молотый черный перец, томатную пасту и немного воды, чтобы соус был не густым. Вот все готово. Можно строгать рыбину. Пока стружка не растаяла, ее берут, макают в соус и в рот. Это очень вкусно, но почему-то не все едят – рыба-то сырая. Также делают строганину из мяса оленя и из печени сохатого. Печень так же кушают в сыром виде, только режут на небольшие кусочки, а не строгают в стружку как рыбу. Может где-то строганину делают по-другому и делают другие соусы, но едят ее по всему Северу и Сибири, там где есть такая рыба для строганины.

Бочка с водой

Вода на Весеннем привозная. Нет, ее привозили не расфасованную в бутылках, ее возили машиной-водовозкой. Воды требовалось много: для нужд жителей, в котельную, в баню и на дизельную электростанцию, для охлаждения дизелей. Возили на двух оборудованных авто, повышенной проходимости. Около каждого частного домика у крыльца стояла большая трехсотлитровая железная бочка. Также и возле каждой двух этажки стояли такие же бочки на каждую квартиру.

Воду набирали в ручье, в котором была вырыта бульдозером яма. Вода всегда была свежая, так как ручей тек круглый год, даже зимой, хотя зима была длинной и суровой. Если ручей где-то выше по течению перемерзал, вода в яме заканчивалась. Тогда водителям водовозки приходилось искать новые источники. Это было не очень сложно, но трудоемко. Находили на каком-нибудь ручье побольше ледяной купол. Это значит, что ручей где-то внизу перемерз, а поступление воды идет, и на ямах скопившаяся вода силой поднимает лед и так образуется ледяной купол, под которым вода. Стоит только пробурить или долбить лунку для шланга и можно набирать воду. Набранную воду развозили по поселку и разливали по бочкам. Из этих бочек воду хозяева переносили ведром в дом, точно в такую же бочку, иначе вода быстро замерзала и могла выдавить дно.

Вот такой водопровод был в поселках на Севере. Вода на Севере всегда чистая и холодная, накипи нет и в помине. Ручьев много, в каждом распадке свой, и у каждого есть свое имя. Маленькие ручьи стекают в ручьи побольше, и так далее. Весной в такие ручьи заходит на нерест хариус, а осенью скатывается обратно в большие реки. Вода в северных ручьях и речках очень мягкая и вкусная.

За ягодой

Первой созревает морошка, затем голубика, смородина и, наконец, брусника. Морошку мы не собирали, ее было мало и она когда созреет – невкусная, о ней и писать нечего. Голубики было очень много и эта ягода очень нежная и вкусная. Растет она на небольших кустиках, примерно на таких же, как у нас здесь черника. Конечно, мы ее собирали и ели так и варили из нее варенье. Росла она повсюду, но в основном, внизу по долинам и руслам ручьев в тундре. Собирать ее, конечно, муторно, так как ягода мелкая и очень нежная, но это стоило того.

Смородины было тоже много и росла она в, основном, на островах речки Большой Анюй. У дикой смородины на Севере ягода не очень крупная, но растет она гроздьями, как красная смородина и брать ее одно удовольствие. Просто сдираешь ягоду с веточки и она отрывается чисто, без плодоножки. За смородиной нас возили на вертолете, так как речка и острова находились далеко, километров за 60—70. Возили партиями, кто был свободен от смены, и получалось так, что кому нужна смородина – летали все. Это, конечно, семейные, холостякам варенье ни к чему. Можно было и порыбачить, пока люди собирали ягоду, а это часа 3—4. Так что удовольствие получали и женщины, собиравшие смородину, и мужчины, ловившие рыбу.

Последней собирали бруснику. Бруснику собирать тоже одно удовольствие, растет она по сопкам, на каменистых щебеночных местах, среди кустов кедрового стланика. Ягода крупная, но кустики совсем низенькие и приходится ползать. Но это тоже стоило того: из брусники не нужно варить варенье, она лежит в свежемороженом виде всю зиму свежей. Из нее делали морс и начинку для пирожков. Растет она тоже кругом по сопкам, но рядом с поселком она уже вытоптана, она очень долго восстанавливается, так как корневая система очень слабая. Нас также возили на вертолете подальше от поселка, и мы всегда были с этой замечательной ягодой. Прииск арендовал вертолет круглый год и нас возили бесплатно. Природа в долинах речек очень красивая, так как росла лиственница и разнообразная зелень в обрамлении сопки, покрытых стлаником. Так мы заготавливали ягоду на зиму

Весенняя рыбалка

В конце апреля на Чукотке начинает хорошо пригревать солнце. Снег быстро тает, и ручьи набирают силу. В это время на Большом Анюе, в ямах, начинает беспокойно ходить рыба, которая на зиму скатывается из мелких и больших ручьев. Подходит время подниматься вверх по течению и заходить в родные ручьи. Мы тоже ждем этого момента и готовим снасти для рыбалки. Снасти простые: коротенькое удилище с тонкой леской и самодельные блесны с крючками. Весной рыбалка подледная, так как лед еще на Анюе стоит, только появляются небольшие промоины. На рыбалку едем кто на чем. Несколько компаний по 10—15 человек – кто на автомобиле «Урал», кто на вездеходе или на бульдозере с железной волокушей в виде большого корыта. Едем все в разные места, километров за 40—50. Каждая группа знает только свою рыбную яму. На рыбалку едем на Первомайские праздники: промывочный сезон еще не начался и выходных было 3—4 дня. Конечно, набирали всё необходимое, в виде питания, ну и спиртное тоже, как же уха и без стакана!

По приезде на яму, а это, как правило, в такое место, где был залом из леса, наваленный из лиственниц с берегов половодьем. Так что дрова были всегда в избытке. Разводили костер побольше, и шли на яму сверлить ледобуром или долбить пешней лунки во льду. Вода на чукотских ручьях и речках чистая и прозрачная, дно видно до 8—10 метров. В лунки было видно, как ходит рыба по яме. Вот и все, снасти приготовлены и началась рыбалка, лежа на льду, смотришь как хариус хватается блесну, подсекаешь и вытаскиваешь. Так, наловив достаточное количество рыбы, кто-нибудь из рыбаков шёл готовить ужин, варить уху.

Уха на свежем воздухе на берегу реки, это не описать, это надо попробовать. В мае ночи на Чукотке уже нет и лови хоть все время, но нужно и отдохнуть. Разгребаем костер и накрываем кострище брезентом и печка готова, ложись и спи. И так все дни проходила рыбалка. Наловив рыбы, делим ее поровну всем приехавшим рыбакам и едем домой. Приезжаем с черными от загара лицами и довольные, лучше отдыха, чем рыбалка на Севере, не придумал еще никто и нигде. Это весенняя рыбалка, была еще летняя и осенняя.

Летняя рыбалка совсем другая, не такая как весенняя. Летом нужно длинное удилище, а остальное все то же самое: крючки и блесны. Ближе ловить было негде, так как с началом промывки песков вода в местных ручьях и речках была мутной, и рыба в них не заходила.

Любая северная рыба любит только чистую воду. Нас на рыбалку возили на вертолете. Так же собирались несколько человек, свободные от смены, и нас вертолетом забрасывали на какую-нибудь рыбную речку. Вертолет улетал и через сутки должен был нас забрать. Рыбаки шли по берегу и проверяли где стоит рыба. Также как и весной, поймав несколько хариусов или ленков, варили уху, покушав, ложились немного поспать, так как все рыбаки были после смены. Отдых был нужен всем, так как после короткого сна, часа 4—5, вставали, пили чай, кто-то доедал уху, шли рыбачить.

Конечно, на летней рыбалке рыбы не так много, как на весенней, но много и не нужно. Таскать ее на себе тоже нелегко по кустам, так как все время приходится менять место ловли. Так, наловив рыбы, шли к месту сбора, куда должен был прилететь вертолет. Прилетев домой, успевали ночь отдохнуть и с утра на смену. После так называемой ночной смены, у нас было два дня выходных. Хотя ночи на Чукотке, летом не бывает.

Осенняя – отличается от весенней и летней тем, что рыбы нужно много, так как впереди длинная зима, а зимой на Чукотке мы рыбу не ловили. Вся рыба осенью скатывается вниз по течению, чтобы попасть в глубокие и большие ямы в большой речке. Там рыба зимует и становится вялой, плохо ловится на блесну.

Мы перекрывали какой-нибудь большой ручей сетью поперек перед перекатом, то-есть когда рыба доходила до этой сетки, дальше скатываться не могла и ее много скапливалось. Мы

проходили бреднем по яме перед сеткой и вытаскивали много рыбы. Так, пройдя несколько раз, мы налавливали достаточно много. Выловленную рыбу мы замораживали на зиму, так как было уже достаточно холодно. На Чукотке ручьи и речки замерзают поздно, так как быстрое течение мешает замерзнуть воде. Затем мы снимали перегородку и ехали домой с рыбой.

В делянке

Прииску всегда нужен лес кругляк. Лес нужен для досок и бруса, из него строили ряжи под промывочные приборы. Лес нужен и для шахты на рудстойку, которой крепят кровлю шахты. Хотя на Севере вечная мерзлота, но обрушения тоже бывают, по разным причинам. Лес растет по долинам больших и небольших речек.

Меня и ещё одного рабочего вызвали в контору прииска к замдиректора по хозяйству. Он нам сказал, чтобы мы собирались ехать нарезать делянку на речку Бургахчан к водомутскому домику. Домик этот назывался так потому, что в нем когда-то жили гидрологи, которые делали замеры воды. Домик был срублен на совесть из лиственницы. Такие домики стояли на многих речках. Для каких целей это делалось, я не знаю, наверное для учета водных ресурсов страны.

Поехали мы на вездеходе – с нами был лесничий из района и замдиректора. Следом за нами шел гусеничный трактор с металлической волокушей. Волокуша – это такой большой, сваренный из стальных листов ящик, с загнутым, как сани, передом. До места было 35 км и через три часа по тундре и замерзшим ручьям мы доехали до места.

Домик стоял на берегу речки в густом лесу. Мы зашли в дом, зажгли висевший фонарь. В домике в углу стояла железная печка, обложенная камнями с речки. Вдоль стены были сколочены двухэтажные нары, и стоял стол у окна с лавками. Мы растопили печку, дрова были сложены в тамбуре, сходили к речке, продолбили прорубь, набрали воды в чайник. Пока это делали, в доме от печки стало тепло. Вскоре подошел и трактор, мы поужинали, напились чая и легли спать. У нас были меховые спальные. Рано утром зам. и тракторист поехали на тракторе на охоту. Вездеход ушел еще вечером в поселок, и должен был нас забрать через два дня, на третий.

Утром мы с лесничим пошли нарезать делянку для вырубki леса. Лес был за домиком и мы на лыжах пошли. Лесник делал зарубки на деревьях по прямой, мы же с напарником, меряли пятидесятиметровой рулеткой расстояние, которое отмечал лесничий. Так мы за несколько часов отмерили прямоугольник будущей делянки. Закончив свою работу, мы пришли в домик, покушали и попили чаю.

Было уже темно, так как день в декабре был без солнца и очень короток. Охотники еще не вернулись. Переспав в меховых спальниках, утром позавтракав, напарник, взял ружье и пошел побродить по лесу и берегу речки. Я же не охотник, у меня не было ружья, пошел посмотреть вокруг домика. Рядом с домиком я нашел какое-то низенькое строение, заваленное снегом, немного раскопав, я увидел вход, даже не вход, а лаз.

Внутри была маленькая печка и на ней окатанная крупная галька, такая же как в доме. Я спросил у лесничего, что это за конура. Он сказал что это мини баня и заодно пекарня. Тут мылись и пекли хлеб.

Через речку был натянут трос и на нем была подвешена деревянная люлька. В ней гидрологи меряли уровень воды в разное время года. Вернувшись, напарник позвал меня разделить оленя, которого он подстрелил. Мы с этой задачей быстро справились, и принесли мясо к домику. Нажарили оленьей печенки – посуда в домике была и сковородка тоже. Вскоре подъехали и охотники, притащив на тросу тушу сохатого. Его мы тоже быстро разделали и разрубили на куски, пока не заморозилось. Утром за нами подошел вездеход, и мы, погрузив в волокушу мясо и все вещи, отправились домой.

Дома, в сарайке у зама, мы поделили мясо всем поровну. Лицензия на отстрел была у лесничего, так что мы не браконьеры. Вот так мы съездили на речку Бургахчан, к водомутскому домику. Эту поездку я запомнил на всю жизнь.

Чукотка – Зимник – Зеленый мыс – Весенний

В сентябре на Зеленый мыс привезли тяжелые бульдозеры ДЭТ-250 Челябинского тракторного завода. Это были комфортные и мощные машины. Бульдозеров было два. Меня направили в Билибино, а из него – на Зеленый мыс. Со мной были еще трое, но они были с другого прииска, так как один бульдозер предназначался для них. Прилетев на Зеленый мыс, нас поместили в гостиницу дорожников и сказали: «Будете гнать бульдозеры, и заодно помогать нарезать зимник до Билибино». А это триста километров. Ну что же, делать нечего, начальство приказало, нужно выполнять.

Получив бульдозеры, мы перегнали их к дорожникам, и стали готовиться к перегонке машин вначале до Билибино, а дальше еще триста километров до Весеннего. С нами готовились и дорожники, у них было тоже два бульдозера, вагончик на полозьях и небольшие железные сани для горючего и масла для машин.

Дорога предстояла длинная и не быстрая, нужно было готовить зимник к зиме. В вагончике была небольшая железная печка, нары, типа полатей, стол и широкая скамья, на которой тоже мог лечь человек. Закупив продукты и все погрузив, мы отправились в дальний путь. На каждом бульдозере у нас было 2 человека, у дорожников – по одному.

К моему бульдозеру подцепили дорожный клин, другой же, должен был по ходу засыпать промоины и неровности. Зимник проходил всегда по одному месту и за этим строго следили: тундру нужно беречь, на ней нельзя нарушать растительный слой и мхи, иначе летом будет большая оттайка.

Тундра это сложные слои грунтов и линз, которые глубоко протаивают летом и образуются провалы. Для оленей это большая опасность, зимой, при переходах на пастбища, они попадают в промоины и ломают ноги. Дорожники на своих тракторах тащили дом-вагончик и сани. По дороге в темное время суток нам попадалось много зайцев, которых мы отстреливали, и у нас всегда было свежее мясо. Заяц животное глупое и всегда бежит по свету фар, не сворачивая в темноту.

Надо сказать, что зайчатины я наелся до самой смерти. Сейчас не могу есть крольчатину. У нас была лицензия на сохатого, но он нам не попался, так что пришлось довольствоваться зайчатинной и консервами – тушенкой и рыбными. Так же у нас была свежая картошка, лук и капуста. Один член команды был поваром.

Так мы потихоньку ехали и делали зимник. По пути следования были установлены домики для отдыха водителей, в них круглый год жил обслуживающий персонал, как правило, это была семья. Так же были и большие гостиницы для отдыха водителей зимой. В них были душ и столовая, можно было посмотреть какой-нибудь фильм. Это были небольшие поселочки, один между Билибино – Зеленым мысом, и между Весенним – Билибино. В то время для водителей старались создать какой-то комфорт, так как расстояния были большие, и зимник – это не асфальт.

Таким образом мы шли 300 километров целый месяц. Пришли в середине октября только в Билибино, а нам еще нужно было гнать свой бульдозер до Весеннего, а это еще 300 километров. Но это был уже другой экипаж, который сменил нас в Билибино. За этот месяц я заработал 1200 рублей, это была самая большая зарплата, у меня на Чукотке. Это было в 1978 году.

Северное сияние

Я работал эту зиму на расчистке зимника на участки где были золотоносные россыпи и на полигонах, где делали зимнюю вскрышу торфов. То-есть убирали верхний слой грунта, до золотоносных песков. Зимник был нужен для завоза всего что требовалось для жизни и работы участка. На зимнике всегда работало два бульдозера и четыре машиниста посменно, то есть двое – рейс, двое – второй. Был сильный снегопад, потом снег прекратился, небо очистилось и загуляла поземка по распадкам, заметая зимник. Мы выехали с утра, до участка Темный было 60 километров пути, а на бульдозере с дорожным клином быстро не поедешь. Да на сопке быстро по любому не разгонишься. Так потихоньку доехали до фактории, переночевали у знакомого охотника, утром двинулись дальше. День прошел нормально, и мы поднялись на высокий перевал, зимник шел именно через него, другой дороги не было. Поднявшись на самую макушку, решили поужинать и продолжить наш путь.

До Темного оставалось 10 км. Погода стояла тихая и ясная. Мы заглушили бульдозеры и вышли размять ноги. На небе высыпали звезды, и казалось – протяни руку и вот она – Полярная звезда. Вдруг на небе появились всполохи, вначале такие небольшие всплески, они разгорались все ярче. Начиналось северное сияние: прямо у нас над головами появились разноцветные краски. Они переливались и менялись местами на огромной скорости. Цвета волнами носились по всему небу, играли и переливались. Это было что-то! Я много раз видел северное сияние до этого и после, но такое видел впервые и больше не видел никогда. Мы стояли ошарашенные увиденным, мы разинули рты от такого чуда, мы забыли все, мы забыли зачем и куда едем. Такое действо и буйство природы длилось минут 30—40 и внезапно исчезло.

Опять стало темно и только звезды освещали нам перевал. Я на всю оставшуюся жизнь запомнил это северное сияние, такое яркое и красочно-цветное. Поужинав, мы тронулись дальше и через пару часов добрались до жилья участка Темный. На участке нам тоже говорили о необычно ярком северном сиянии. Но мы видели его ближе, мы стояли на перевале.

Перевал

Зимник Зеленый мыс—Весенний длинный: шестьсот километров в один конец. Проходит по двум перевалам, один Мачвамский и второй между Билибино и Весенним, наверное, как раз посередке. Мачвамский перевал высокий: сопка совершенно голая, на ней кроме мхов и ягеля, ничего не растет. Зимник идет тягуном, длинный такой и пологий, машины на него заходят без проблем. На нем не нужно держать трактор, чтобы помогал преодолеть этот длинный подъем наверх. Другой перевал Билибино – Весенний, был не такой высокий, но крутой и весь зарос лиственницей. На самой макушке был построен дом для водителей и дорожников. На этом перевале круглые сутки стояли дорожники, они там жили по неделе. Неделю одна смена, неделю – другая. Так всю зиму, пока работает зимник. Некоторые машины взбирались сами, но были и такие большегрузы с прицепами, которые цеплял трактор и помогал зайти на перевал. В обратном направлении машины шли пустыми, а если и с грузом, например с металлоломом, то спуск был не таким крутым.

В домике все было для отдыха: стояло несколько кроватей, печка и большой стол, сколоченный из строганных досок. В домике можно было разогреть обед и поесть, попить чая. Вокруг стоял лес, и природа была, конечно, очень красивой. Недалеко от перевала, километрах в 25, было удивительное место. Там рос тополиный лес, тополя были такие огромные и толстые, росли так густо, что зимник прямо протискивался сквозь этот лес. Почему росли здесь тополя, наверное был какой-то микроклимат для них. Место было очень загадочным и красивым. В Тополевке, так называлось это место, всегда останавливались машины, чтобы поесть или попить чая. На Чукотке было много красивейших мест, и это было одно из них.

Весенний

Жизнь на Весеннем шла своим чередом. Поселок строился. Были построены садик, магазин, клуб и жилые дома. Но, до всего этого благополучия, клуб был в большой палатке. В этом клубе мы смотрели фильмы, а по субботам устраивали танцы. Отапливался клуб, двумя железными печками, сделанными из бочек. Как только в печке разгорались дрова, сразу становилось тепло. Дрова для печек частенько приносили с собой, потому что те, которые привозили с пилорамы, были сырые. Для растопки нужны сухие дрова. На танцы ходили почти все, у кого не было маленьких детей, даже те, кому было уже за 50. Женщин было не так много, но выручали строители, которые были из Билибино. В праздники танцевали почти до утра, между танцами бегали по компаниям выпить и закусить, затем обратно бежали в клуб танцевать.

У нас домик был в конце «Нахаловки», и приходилось летом идти в сапогах, а потом менять их на туфли, пряча сапоги в куст стланика. После танцев переобувались опять в сапоги. Бывало, что сапоги нам путали и мы, матерясь, разбирались – у кого чей сапог. Поселок был разделен на три части, это Кулаковка, Центр и Нахаловка. Кулаковка это частные домики на въезде в поселок, они были построены на промытой щебенке и песке, у них всегда было чисто и не было грязи. Центр, это контора и все социальные здания с жилыми приисковыми домами. Нахаловка-же, тоже частные домики, но строились они без разрешения в нахалку и в тундре. Там летом было ни проехать ни пройти. Вот оттуда и приходилось ходить в сапогах и переобуваться. Но это были временные трудности, позднее были отсыпаны все подъезды, благо щебенки было валом после промывочных приборов. Через несколько лет, когда у нас родился второй сын, нам дали отдельный домик с центральным отоплением. В домике было три комнаты, кухня и сени с теплой кладовкой, где стоял большой на 400 литров бак для воды. Я пристроил сарайку и рядом построил, засыпную опилками, баньку, в которой мы парились и мылись, Света в ней и стирала. Так мы и жили, нас все устраивало. Мы были счастливы.

Бригада

Меня встретила комсорг Людочка и предложила возглавить комсомольско-молодежную бригаду. Бригада должна была промывать шахтные пески. Промывочный прибор на этих песках нужен один, но не простой, а скрубберный. Скрубберный промывочный прибор, это не простая колода. Состоял он из большой бочки пятиметровой длины и диаметром в полтора метра с множеством небольших отверстий. Внутри проходила труба с форсунками, из которых под давлением била вода. С одной стороны скруббера подходил транспортер с лентой, по нему подавались пески из бункера. Скруббер вращался, пески смешивались с водой и мелкие частицы проваливались в отверстия в колоду, которая стояла под скруббером. Крупная галька и щебенка высыпались с другого конца скруббера, тоже на транспортер и увозилась в отвал. Конец колоды присоединялся к осадочной машине, машина диафрагмами отсасывала мелкий песок и золотую пыль, которая затем попадала на концентрационный стол, там обогащалась и в месте шлихом загружалась в железные бочки и увозилась на шлихо-обрабатывающую установку.

Вот такой прибор нам предстояло построить и на нем промыть все шахтные пески, добытые зимой. В бригаду вошли молодые ребята и женщины, всего тринадцать человек. Пески были на трех шахтах, и нам предстояло все их промыть последовательно, переноса промывочный прибор каждый раз. Сколько золота мы должны были взять с этих песков, было уже подсчитано. Нам предстояло взять золота именно столько, но не как не меньше. А меньше можно взять только в одном случае, мыть не оттаявшие, то есть мерзлые пески. Этого допустить было нельзя. Мы справились с этой задачей и промыли все пески в срок и золота дали именно столько, сколько было нужно. Так наша бригада отмывала шахтные пески три сезона, люди, конечно, менялись, только бригадир, а это был я, постоянным.

За эту работу, я был награжден орденом «ЗНАК ПОЧЕТА». Ну может и не только за эту, позже меня еще наградили медалью «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД». Не сочтите это за хвастовство, так как награждали не одного меня. Были парни, которые заслужили и более высокие награды. Труд северян оценивался по достоинству. Это сейчас награды дают, в основном артистам и спортсменам, а в наше время награждали рабочих.

Охота на белку

В один из рейсов по расчистке зимника на дальний участок прииска – Темный, мы остановились на ночлег на фактории. Остановились, как всегда, у Сереги-охотника в домике. Нам нужно было нарезать зимник на новый участок – Светлый, который был в стороне от основного зимника.

Серега сказал, что поедет с нами – у него на том ручье охотничьи уголья. Утром пораньше мы выехали. У моего напарника на тракторе была навешана косая бульдозерная лопата, она была широкая и ей было удобно сваливать снег на одну сторону дороги. Он и поехал расчищать зимник. Мой трактор таскал клин и, отцепив его, мы с Сергеем поехали впереди. Распадки с угольями заросли лиственницей.

На Чукотке белки живут не в дуплах, как на материке, а в гнездах. Да, в обычных гнездах, сделанных из веточек и травы, на макушках лиственниц с маленьким лазом. Внутри они были устланы травой и беличьим пухом. В гнезде могла жить целая семья из нескольких белок, так им было вместе теплее. Белки, как и на материке, заготавливали на зиму провиант. Это, в основном, орешки кедрового стланика и грибы. Белки отыскивали свои кладовые зимой, наверное, по запаху, а может по памяти. Вот за белками мы и поехали на охоту.

Через час-полтора мы приехали в первый распадок, и Серега опытным взглядом стал осматривать деревья. Деревья были не очень густые и хорошо просматривались. Заметив гнездо, мы подъехали к дереву, Серега вылез из кабины, подошел к дереву с беличьим гнездом и постучал по нему палкой. Белки от испуга, а может из любопытства, выскочили из гнезда и стали с любопытством разглядывать нас. Наверняка они видели человека первый раз и не боялись.

Серега на белку брал мелкокалиберную винтовку, да и на соболя тоже. Быстро прицелившись, он подстрелил первую белку, затем и всех остальных, их было пять зверьков. Это, видимо, была семья, но так было только один раз. Из остальных гнезд, которые мы нашли, одна-две все-таки убежали. Серега за ними не бегал, так как мы были без собаки. «Пусть живут, – так сказал он, – нельзя выбивать всех, я здесь беру сколько надо, надо и на развод оставлять».

Я подбирал тушки белок, все они были поражены в глаз. Я не помню сколько мы добыли белок, но десятка два или три. Светлое время быстро подходило к концу, и Серега сказал: «Заедем в соседний распадок, заберем мясо оленя, там висит на дереве в мешке». Я спросил: «Почему на дереве? Закопал бы в снег, – он ответил, – от росомахи». Заехав в указанный распадок, забрав мясо оленя, мы отправились на факторию. Снег под деревом, где висело мясо, был утопан, значит росомаха пыталась полакомиться мясом, но добраться так и не смогла. Приехали на факторию, напарник был уже там, мы поужинали. Серега стал снимать шкурки с белок и натягивать их на кусочки фанеры, для просушки.

Вот так мы съездили на белку. Утром встали, позавтракали и отправились дальше – на Темный

Нартовый

Вертолет, покружившись над косой, пошел на посадку. Приземлившись, мы быстро выкинули свои вещи прямо на галечник, и вертолет взмыл вверх. Мы – это пятеро рыбаков прилетели на Большой Анюй в устье большого ручья Нартовый за рыбой и, если повезет, то и за мясом сохатого. Время было конец сентября, и ночью давили хорошие заморозки, но снега еще не было. Рыбачить мы прилетели на загородку, так как и рыбы нужно было много – на всю зиму. Прилетели мы на неделю, через неделю нас должен был забрать вертолет вместе с уловом.

Не успели разобрать вещи, как недалеко от нас из леса вышел сохатый, он шел по направлению к зарослям краснотала¹¹. Краснотал или тальник был любимой пищей сохатого зимой. Быстро расчехлив ружье один из рыбаков, крадучись, побежал к сохатому, на ходу заряжая. Все, мы были с мясом. Пока трое разделявали тушу зверя, мы вдвоем разобрали и поставили палатку. Палатка была большой, в ней могло свободно разместиться человек 6—7, нас же было меньше. В углу поставили маленькую печку, сваренную специально для этого. Закончив с палаткой, развели костер и повесили ведро воды и чайник. Разделав и разрубив мясо на куски, разложили его на лабаз¹², сделанный из толстых ветвей, на трех лиственницах. Ночью мясо должно подмерзнуть. Вода закипела и в кипяток положили куски грудинки, варить на завтра, так как завтра готовить не будет времени. Достав сковородку, нажарили печенки и хорошо поужинали, выпив при этом по стакану водки. День был удачным и, посидев у костра и послушав байки бывалых рыбаков, пошли спать. Спали мы в палатке.

Утром проснувшись, поев мяса с остатками печени, попив чая, пошли знакомиться с местами ловли рыбы. Пошли двумя группами, на два ручья, которые были недалеко друг от друга, но на противоположных сторонах Анюя. Через пару часов вернулись и решили обловить в начале один ручей, а потом второй – Нартовый, он был больше, и на нем нашли хорошую заводь, перед узким перекатом. Ребята стали готовить снасти для загородки, чтобы перегородить ручей в узком месте.

Я взял удочку и пошел попытать рыбацкого счастья перед перекатом. Хариус брал хорошо и, поймав пару десятков, я пришел в лагерь. Почистив рыбу, поставили варить уху на ужин, так как этот день подходил к концу. Осенью дни короткие. С утра пошли ставить загородку из сети, с крупной ячеей, чтобы мелочь могла пройти, а крупная рыба не могла. Поставив загородку, пошли все порыбачить на удочку, Бредень¹³ таскать будем завтра. С утра, взяв бредень, пошли ловить то, что нам пришло перед загородкой. Рыба в это время вся скапывалась вниз по течению в Анюй, чтобы провести зиму в глубоких ямах. За сутки рыбы набилось столько, что мы вчетвером едва вытащили бредень. Улов был богатым, несколько мешков. Так, половина дела была сделана – один ручей обловили. В тот же день поставили загородку и на Нартовый. Вечером опять костер, хороший плотный ужин и байки бывалых. На Нартовой поймали больше в два раза.

Так мы запаслись рыбой на зиму себе, ну и начальству понемногу и вертолетчикам. Оставшееся время, пока ждали вертолет, упаковали подмерзшую рыбу и мясо в мешки. В свободное время ловили на удочки. Утром собрали палатку и пожитки, в обед за нами должен прилететь вертолет. Так мы рыбачили каждую осень. На Чукотке много ручьев и речек, в которых полно рыбы, и наши уловы, не могли уменьшить эти запасы, мы вылавливали мизер.

¹¹ Ива остролистая, или Краснотал, или Красная верба, или Шелюга (лат. *Salix acutifolia*) – вид лиственных деревьев или кустарников рода Ива (*Salix*) семейства Ивовые (*Salicaceae*).

¹² Лабаз – Крытый навес на стойках для различных надобностей (охотничьих, хозяйственных; областное).

¹³ Бредень – небольшая рыболовная сеть (невод), которую люди, идущие бродом по мелководью (бредущие), тянут за собой на двух деревянных шестах (волокушах, клячах).

Шальное золото (вполне могло быть)

Золотоносный полигон начинался в верховье ручья первый Весенний. Распадок был широким и километра два-три в длину. Отрабатывать его начали с самого верха, потому что содержание золота в песках вверху всегда больше. Тут же в Весенний впадал небольшой ручей Чертик. Так его назвали геологи за крутой нрав, потому что тек он по крутому и узкому распадку. Чертик тоже был золотоносным, но пески залежали на глубине, а делать вскрышу торфов было некуда распадок-то был очень узким. Отрабатывали Чертик шахтным способом, содержание золота было очень хорошим, за смену намывали по десятку килограмм. На полигоне Весенний содержание золота было куда меньше.

Как-то раз заехал я на бульдозере в самый угол полигона, как раз туда, где был выход распадка Чертик. Наковырял из борта несколько кубов, разрушенной коренной породы пополам с красной глиной, и сгреб все это в бункер промывочного прибора. Больше ковырять там не стал, так как угол был далековато, да и я подумал, что там нет золота. На второй день сделали съём золота, увезли его на прииск, очистили и взвесили. На следующий день к нам на полигон приехал директор прииска и начальник участка. Позвали нас бульдозеристов и директор спросил: «Откуда вчера толкали пески?» Я сказал, что вот он полигон, весь тут, а потом вспомнил про угол Чертика. Оказалось, что вчерашний съём был в десять раз больше, чем обычно и поэтому начальство пыталось нас. Я рассказал как было дело и нас заставили выскрести весь угол, чуть ли не под метлу. Золото в углу оказалось просто шальным, когда промывали шахтные пески Чертика, то столько не снимали, как сняли за эту смену, а песков-то было всего ничего. Больше золота в том углу не было, сколько мы там ни скребли.

Вот такой случай был у нас на прииске с моим участием. Если бы я не заехал в угол, то золото так и лежало бы там до сих пор, а это полтора десятка килограмм.

Концессия

Комбинату не хватало до государственного плана несколько десятков килограмм золота. План срывался по вине двух приисков: нашего – Анойского и имени Мандрикова. Начальство решило строить зимние промывочные приборы. Строить на реках прииска Мандрикова, так как там имелись пески с высоким содержанием золота. Пески залегали на большой глубине и отрабатывать их нужно только шахтным способом. У нас на прииске собрали бригаду для строительства промывочных приборов и шахтеров.

На вертолете МИ-6 перевезли два бульдозера, компрессора, дизельные насосные станции и дизельную электростанцию. Все это доставили на небольшую реку, так как для промывки песка нужна вода, много воды. Прилетев на место, выгрузились на берегу. Сразу стали устанавливать палатки для жилья. Вертолетом доставляли все стройматериалы. Палатки установили быстро, настелили в них полы, сделали нары и поставили большие печки. Каждая палатка рассчитана на 10 человек. Так же была палатка и под столовую, так как людей набралось больше двух десятков. Был и повар-мужчина. Обосновались капитально и надолго, на дворе уже было холодно.

По берегам реки росли лиственницы, лес для каркаса промывочного прибора валили прямо на месте. Также построили небольшую баньку прямо на берегу. Ниже по течению, где строили промывочный прибор, реку перегородили насыпной дамбой. Поставили насосную станцию и дизель генератор. С бытом разобрались и обустроились, промывочный прибор тоже был в стадии завершения.

На промывочном приборе нужно остановиться – это сооружение состояло из приемного бункера, транспортера, скрубберного прибора и колоды. Рядом, вплотную к колоде и скрубберу были поставлены две большие емкости, каждая по 10—15 кубов. Это своеобразные котлы, в которых грели воду дизельным топливом посредством форсунок. Пески, добытые шахтерами в шахте, были заморожены и промывать их нужно только горячей водой. Шахта была за несколько километров от промывочного прибора и пески возили на самосвалах. Затраты были огромными, так как таких приборов построили два. Второй был построен прямо на прииске, на берегу реки Омолон. Приборы работали круглые сутки, и через месяц мы все-таки вытянули план комбината.

Экономически это было не выгодно. Были затрачены огромные средства, но у областного начальства свои расклады: за выполнение плана они получали награды и премии. Домой мы вернулись почти к новому году. Все, что построили, было брошено у реки. Технику, чтобы не доставлять обратно вертолетом, отдали мандриковцам.

Вот так иногда приходилось выполнять государственный план, не считая затрат. Да и деньги были на это не из своего кармана. Кто их жалел?

На берегу речки, в лесу, построили баньку. Баньку построили небольшую, но хорошую, добротную, из лиственницы. Все как положено, мойка и отдельно парилка, сварили печь-каменку, от которой нагревалась вода, целая бочка на 200 литров. Пока нагревалась вода, а это часа два, прогревалась и вся баня, камни-голыши с реки нагревались почти докрасна. На реке стоял уже лед и воду брали из проруби. Топили баньку первое время каждый день, пока не высохли стены, лес-то был сырой, в бане было очень влажно и сильно пахло смолой, но через неделю все стало хорошо. Баню топили с самого утра, так как работали по сменам и круглые сутки, парились и мылись тоже весь день. Природа была, конечно, красивой: лес и галечные косы по реке. На одной стороне стояли жилые палатки, напротив, через реку – баня. Снег в том году выпал поздно, но когда выпал, то стало еще красивее, чище. Любители парились ветками кедрового стланика. Конечно, запах хвои был непередаваемый, но хлестать себя было больно, так как такие веники в распаренном виде были тяжелыми, но зато не колючими.

Были и охотники только посидеть на полке, погреться и пропотеть. Конечно, когда улетали домой, такую баньку бросать было жалко, уж больно хороша была и жаркая.

Я думаю что она не пропала, ее перетасили в поселок через перевал зимой по снегу на полозьях, может разобрали. Такой баньки я больше в своей жизни не встречал, были и хорошие, но не такие и не в таком месте. Не место, а сказка!

Спец

Бригада геологов разведывала долину ручья Баимка, путём обуривания. Работы велись в десяти-двенадцати километрах от поселка Весенний. Бурили скважины на предмет содержания золота в песках. Раньше такую разведку вели шурфованием, но это долго, трудоемко и дорого. Работы велись круглые сутки, так как дизельные моторы зимой на Севере не глушатся. Бригада ехала вечером на вахтовке меняться. Диман сидел рядом с водителем в кабине, и недалеко от места работы увидел на снегу следы сохатого. Зверь пересек зимник и видно, что он шел к кустам тальника, росшего в изобилии по берегам ручья. Зимой тальник излюбленная пища сохатых.

Отработав смену, утром Диман, закинув за плечо ружье, сказал: «Не ждите меня, я пройду». Вечером видел свежий след сохатого», и направился в сторону того распадка с тальником. Через определенное время услышали выстрел, где-то на изрядном расстоянии.

В это время неподалеку стояло стадо оленей, но совсем в другой стороне. Конечно, стадо было не само по себе, а с хозяевами – чукчами. Утром один из пастухов пришел к геологам, может просто так, а может что-то было нужно. Его пригласили в тепляк и напоили чаем. Вот в это самое время мы услышали выстрел. Чукча сразу насторожился и сказал: «Однако нашего оленку убили», но его успокоили и сказали, что видели след сохатого. Вскоре пришел Диман и сказал: «Надо идти и разделать тушу, здоровый попался». Решили попросить пастуха-оленевода помочь разделать тушу сохатого, так как знали, что они управляются с этим быстро и умело. Пастух согласился помочь, и он с ребятами пошли к месту, где лежала туша. Подошли, пастух спросил: «Шкура нада? – ему ответили – нет». Пастух вытащил из ножен на поясе небольшой нож, лезвие на деревянной ручке, нож как нож, ничего необычного в нем не было. Так, как разделявал пастух тушу сохатого, мы не умели. Начал с того, что по спине разрезал шкуру и быстро ее снял, ребята только успевали поворачивать. Оленевод, разделал всю тушу за полчаса, и только одним своим ножом, отделил все суставы и мясо поделил на куски. Ребята были ошарашены такой виртуозной работой пастуха. Это был не первый их сохатый, геологи часто отстреливали на мясо сохатых, но разрубали на куски только топором, а тут человек, почти один и небольшим ножом. Что значит спец! У геологов всегда имелась лицензия на отстрел зверя, так как приходилось часто работать далеко от поселка, за десятки километров. Свежее мясо еще никому не помешало, тем более в поле, как говорят геологи.

Буханка теплого хлеба

Была у нас на Весеннем небольшая пекарня, расположенная в одном небольшом домике вместе с магазином. Магазинчик тоже был небольшой в одной половине, а через стенку была пекарня. Так было удобно всем: и пекарне, и магазину. Хлеб-то продавали в магазине. Работала пекарихой тетя Паша: типичная русская баба, дородная и спокойная. Откуда она приехала на вновь открывшийся прииск, никто не знал. Поселилась в небольшом домике и там жила. Была ли у нее семья – не знали. Формы для хлеба были не стандартные, буханки получались большими и пышными. Хлеб на Севере пекли, в основном, белый, черный как-то был не в ходу. Так вот, пекла хлеб Паша пекариха, так ее все звали в поселке, отменный, мало того, что буханки были большими и пышными, так еще и необыкновенно вкусными. Хлеб всегда был свежим, и когда его вытаскивали из печи, шел такой аромат, что текли слюнки у всех, кто проходил мимо. Когда покупали хлеб и несли его домой, то отламывали уголки от буханки и ели на ходу не только дети, но и взрослые: не могли удержаться от искушения. На прииске круглый год базировался вертолет и вертолетчики всегда набирали хлеба по несколько буханок домой в Билибино. Хлеб не черствел по несколько дней, его набирали на отдаленные участки, где не было пекарен. Его намораживали зимой, а потом оттаивали на пару, он все равно был необычайно вкусным. Как Паша это делала, было непонятно, у нее пытались выведать секрет, но она только улыбалась и говорила: «Душу вкладываю свою в него, от того и вкусный». Ушла Паша на пенсию или уехала на какой-то другой прииск, но не стало ее у нас. Печь хлеб стали ее ученицы-напарницы, но уже не такой. Нет, хлеб тоже получался вкусным и пышным, но все-таки не таким, каким был у Паши пекарихи.

Брусника на сопке

Осенью нас с бульдозерами перекинули на новый участок Омчак для вскрыши торфов. Участок находился километрах в пяти-шести через перевал. Поставили большую палатку, оборудовали ее печкой и кроватями. Кто был не женат, могли там жить и спать, чтобы не ходить через перевал в поселок да еще по тундре. Палатку поставили на берегу ручья, так что с водой проблем не было, умывались тоже в ручье. Готовили сами, в основном, макароны с тушенкой и омлет из яичного порошка и сухого молока. Чай пили на Севере крепкий, заваривали всегда только в чайнике, никаких запарников не признавали. Мы же, семейные, уходили домой через перевал, когда были после ночной смены, так как после ночи двое суток отдыха, а после дневной – только сутки. Так что тоже приходилось оставаться ночевать в палатке.

Утром проснувшись, разломав тонкий лед в ручье, я умылся, выпил чай с бутербродом с маслом и решил сходить на макушку ближайшей сопки. Я хотел посмотреть, есть ли там ягоды брусники, да и делать было нечего, на смену нужно идти в ночь. Мужики, кто был свободен от смены, сели играть в карты. Я взял легкое ведро, сделанное из банки из под яичного порошка. В него входило литров десять, и отправился на сопку. Шел неспеша, по пути собирал и кидал в рот ягоды голубики, они были нежные и вкусные. С половины сопки стали попадаться кусты кедрового стланика, а между ними и кустики брусники.

Так я постепенно дошел до макушки сопки и там брусники было столько, что не видно было листочков. Видно было, что сюда никто никогда не приходил и не вытапывал брусничник – ягоды висели гроздьями и были крупными. У брусничника корневая система очень слабая и он болезненно переносит всякое вмешательство, он долго восстанавливается после налета ягодников. Я быстро наполнил свое ведро ягодой и потихоньку пошел вниз к палатке. Придя в палатку, я пообедал макаронами с тушенкой, запив чаем из кружки и лег отдыхать. В ночь мне нужно идти на смену, а утром после смены мы, семейные, пойдем домой в поселок. Я после еще раз сходил на сопку за ягодой и нам ее хватило на зиму для начинки пирогов. Начинка из брусники отменная, не верите – попробуйте.

Самородок

У Вована был авантюрный склад характера, он обязательно чем-то должен был заниматься, кроме основной работы на прииске. Где-то доставал маленьких поросят и откармливал их на продажу, благо столовая была рядом и пищевых отходов было навалом. У него все получалось: он первый на Весеннем построил теплицу и выращивал огурцы. Это с его подачи многие стали держать свиней и строить теплицы. Когда разрешили самостоятельно мыть золото, он первый стал это делать. Он отыскивал старые бункера от промывачных приборов, на которых протирались стаканы пульповодов и промывал там остаточные пески. Намывал там какое-то количество металла и имел добавок в рублях к зарплате.

В одно лето Вован организовал небольшую старательскую артель из трех таких же как он парней. На отработанном полигоне они нашли не до конца отработанный борт с песками. У них был один старенький бульдозер и дизельный насос для подачи воды. Поставили небольшую колоду и струей воды промывали пески, потихоньку подталкиваемые бульдозером. Так у них дело шло неплохо, содержание золота было хорошим и они намывали свои килограммы плана. Однажды Вован также промывал пески, размывая их струей монитора. Крупные валуны под напором струи выскакивали из колоды. Все шло хорошо, но попался небольшой валун, который никак не хотел выкатываться из колоды. Это бывало часто и большие камни нужно было разбивать кувалдой. Так же и на этот раз, Вован взял кувалду и начал колотить по валуну, но тот не хотел разбиваться. Вован почувствовал, что валун попался какой-то необычный, при ударе он был каким-то мягким, камни вели себя совсем по-другому, они разваливались после нескольких ударов, а этот никак не хотел. Вован стал руками выталкивать валун из колоды, но он был хоть и не очень большим, но тяжелым. Тогда Вован пошел к бульдозеру и взял в кабине кузнечное зубило с ручкой и с напником хотели при помощи инструмента разбить злополучный валун. После первых ударов, откололся небольшой кусочек камня и они увидели красный металл. «Неужели золотой самородок? – пронеслось в головах мужиков, – такой огромный, да это же на всю жизнь хватит!» Кое-как выкалили валун, прицепили тросом к бульдозеру и потащили на прииск волоком. Благо прииск был рядом, притащив к конторе, вызвали геолога, он осмотрел скол на валуне и изрек: «Медь, самородная медь». Радость у наших старателей тут же улетучилась, они пожалели затраченное время на этот медный валун. Денег за него на прииске не дадут. Валун взвесили и он оказался сорока с лишним килограмм веса чистой меди. В этом районе, где мыли золото, борт полигона примыкал к подножию сопки, в которой были найдены залежи медной руды. Сопка оказалась медной.

PS. Сейчас, в наше время, вокруг поселка Весенний разведаны и открыты несметные залежи медной руды и молибдена с высоким содержанием металла.

Ходят слухи, что будут строить рудник на ручье Песчанка, со всей инфраструктурой, как дорога и линия электропередач и долина Большого Анюя, опять оживет.

Да, дорогие сопки вокруг нашего ВЕСЕННЕГО!

Дружба

У нас на Весеннем, собак было полно, а вот кошек не очень много, можно сказать совсем мало. Собак держали те, кто жил в своих домах и жили они, конечно, на улице. У кого-то были собачьи будки, утепленные войлоком, у кого-то жили под домом. Была одна семья, которая зачем-то привезла с материка гладкошерстную собачку и кошку. Такой собаке на улице не выжить, так как зимой очень сильные морозы. Чукотка все-таки, ну и кошка, тем более, любит тепло. Так что жили они в доме вместе, привезли их еще малыми и были они большими друзьями. Кот был с красивой длинной шерстью, какого-то синеватого окраса. Они всегда были вместе, кот вылизывал собачью морду и ей это, похоже, нравилось. На улицу их выпускали тоже вместе. Сделав свои дела, они бежали обратно в дом.

Но однажды кота чужие собаки загнали на дерево и друг бросился его выручать. Но силы были неравными, две собаки стали рвать одного, он отбивался как мог. Кот почувствовал, что его другу приходится туго и спрыгнул с дерева прямо на одну из собак. Он с шипением вцепился в собачью морду, и собака от неожиданности и боли завизжала. Старалась стряхнуть кота, но он когтями цепко держал морду собаки и не хотел отпускать, пытаясь еще и укусить. Так продолжалось несколько минут, первый пес бросился наутек, а второй, никак не мог стряхнуть кота со своей морды, которая была уже вся в крови. Пес выл и визжал от боли, крутился и лапами пытался оторвать от себя взбешенного кота и, наконец, это ему удалось. Он с визгом бросился наутек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.